

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Современный Левиафан: Национальное государство

- Образ Бога, спустившегося на землю
- 3.1. Развитие нации, явление Нация
- 3.2. Определение государства
- 3.3. Идеология капиталистической цивилизации (модернизм) и ее превращение в религию
- 3.4. В память о геноциде евреев
- 3.5. Власть в период современного капитализма
- 3.6. Современный капитализм и национальное государство

Образ Бога, спустившегося на землю

Если в попытках разобраться в концепции современного капитализма брать за основу экономику, этого будет не только недостаточно, но с методологической точки зрения приведет к определенным искажениям, отдалит от осознания взаимоотношений и сути, приведет к негативным последствиям и суждениям. Определения и рассуждения, которые до настоящего времени мы пытались применить к капитализму, подтвердили тот факт, что эта система способна только навязывать экономике свои условия извне, и не является ничем, как монополистической силой. Следовательно, по сути, поиск следов капитализма в других местах в методологическом смысле может способствовать получению более позитивных результатов. Мы продолжим его поиски именно там, где его хотят спрятать и завуалировать, то есть в государственной сфере.

Все методологические, философские, исторические разработки К. Маркса, искавшего капитализм в экономической сфере, сигнализируют о монополистической сути капитализма, охарактеризовавшего себя как кризисную систему, о положительных последствиях которой говорит Маркс. Властвовать над экономикой отнюдь не означает быть экономикой. Так же ничего общего с экономикой не имеют попытки возведения экономики в рамки определенной структуры. Не будучи политической властью, невозможно использовать такой инструмент, как деньги, в накоплении прибавочной стоимости, играя ценами на рынке. Не разобравшись в политической власти и ее трудном характере со всеми последствиями, невозможно будет очертить концепцию капитала при помощи абстрактного политэкономического анализа, постоянно наполнять его смыслом. Это станет умышленным увязанием в ошибках или допущение этих ошибок с самыми благими намерениями, и, более того, в подобной ситуации легко стать жертвами капиталистической парадигмы.

Я знаю, какими последствиями может обернуться критика Маркса при помощи дешевых и поверхностных тезисов, без содержательного анализа. В частности, догматически-позитивистские подходы тех, кто ошибочно называет себя марксистами, так и останутся на уровне надоедливых рассуждений повторяющихся идеалов до тех пор, пока не будут преодолены сектантские тенденции. Однако теоретически-практический опыт длиной в полтора века сотни раз подтвердил то, что «Капитал» играет роль нового тотема и не оказывает никакого содействия рабочим. Основную причину этого явления я вижу в ошибочном поиске следов капитализма в других, неэкономических сферах, а также в том, что к неэкономическим категориям проявляется такой подход, как будто речь идет о фундаментальных экономических вопросах. Все попытки поставить монополистическую государственную политику во главу угла, несмотря на все неэкономические особенности, я считаю «просвещенческим» извращением, способным самым серьезным образом затуманить сознание, завуалировать суть капитализма и в политико-идеологическом смысле чревато

трагическими последствиями.

Я не считаю себя специалистом по Гегелю и Марксу. Я не особо много читал их произведения. Кроме общеизвестных основных знаний у меня нет других сведений об этих людях. Я в принципе и не считаю это серьезной необходимостью. Но я придаю значение их деятельности и считаю право на собственное мнение задачей, которую должна решить свобода. Может быть, я связываю это с задачами свободы и равноправия именно из-за наибольшего влияния, которое классики оказывают на современное общество. Определив в качестве одного из источников научного социализма немецкую философию, Маркс и Энгельс, по всяком случае, имели в виду Гегеля, который оказал на них наибольшее влияние. Этот вывод можно сделать из их критики.

В идеологическом смысле Гегель является вершиной метафизики и величайшим из современных представителей диалектики. Он был истинно немецким философом. Говоря об этом, я имею в виду то, что он был интеллектуальным «отцом» немецкого национализма. Пытаясь исследовать немецкую буржуазию на отсталом уровне немецкого капитализма, а также статуса буржуазии в немецкой философии, Маркс и Энгельс были на правильном пути. Критика «Философии права» Гегеля в самом начале профессионального пути отражает эту их позицию. Появившиеся вслед за этим «Принципы коммунизма» и «Манифест коммунистической партии» стали практическим шагом на пути утверждения их позиций. Но тот факт, что Французская революция 1848 года не оправдала их надежд, по моему убеждению, способствует одному из серьезных трещин в их теории, и именно в это время формируются признаки сползания в сторону экономизма. Я не обсуждаю то, что главенствующее место они уделяли экономике. Я также не говорю о ненужности исследования экономики. Я критикую исследование Маркса «Капитал» не потому, что оно неверное. Основная причина моей критики марксизма лежит в той плоскости, в которой они критикуют Гегеля, а именно в том, что, почему он отводил главенствующую роль государству и праву. На мой взгляд, Гегель развивает свою мысль с самой нужной точки. Именно оттуда, где должно быть начало. Историческую ошибку совершили именно Маркс и Энгельс, и этой ошибкой стала их тенденция экономизма. Данная тенденция стала основной причиной того, что социализм, насчитывающий полтора века своей истории, то есть борьба за равенство и свободу, следовательно, и за демократию, несмотря на связываемые с ними надежды, не увенчалась успехом.

Говоря о том, что Гегель был прав, я совсем не хочу сказать, что принял теоретическую и практическую линии его философии. Правота в данном случае связана с тем, где должна быть точка отсчета. Я повторяю это для того, чтобы не оказаться неправильно понятым.

Проблема имеет глобальный характер для всей Европы. Это связано с вопросами власти, с которыми сталкивается Европа, ставшая на путь огосударствления. Как будет формироваться образ современного Левиафана? Т. Гоббс и Г. Гроциус определили это как абсолютную необходимость и централизованный характер государства. Все, что они сделали, это теоретизация абсолютизма. Современный абсолютизм как модель государства при переходе из феодальной эпохи в капиталистическую, они считают основным средством решения проблемы. Но это средство не может в полной мере решить проблему. Проблема государства продолжает существовать во всей своей тяжести. То, что капитализм стал

играть главную роль в Голландии и Англии, способствует формированию гегемонии этих государств и сильно повлияло на Францию и Германию, буквально потрясло их. Франция проиграла в борьбе за роль гегемона. Германия все еще не победила в борьбе за идею, называемую «национальным единством». Впрочем, все остальные кандидаты на власть в Европе, ожидавшие своего признания, шли бок о бок с проблемой государства. Монархия и абсолютизм не могут в полной мере решить эту проблему. Пример Франции подтверждает это открыто. Абсолютизм «короля-солнце», величественного Луи XIV, не мог противостоять успешному союзу Голландии и Англии, постоянно росли внутренние проблемы государства. Что же могли сделать остальные? Следовать примеру государственной модели Голландии и Англии не позволяют их материальная и духовная культура и противоречия интересов.

В этой обстановке со всеми ее проблемами буквально стало взрывом явление, называемое Французской революцией, а результатом оказалось то, что дополнительно к проблемам государства появились еще и проблемы революции. Не зря Ленин говорил о государстве и революции. Проблема власти полностью находилась в состоянии кризиса.

Капиталистическая гегемония, развивавшаяся с целью выхода из кризиса феодализма, напротив, углубляла этот кризис, придавая ему глобальный характер. Произошел распад абсолютизма, была провозглашена республика, начинался страшный период террора, после чего проект создания империи и сама империя, будто спущенные с небес на землю, сотрясли всю Европу. Самым неожиданным образом, словом и делом, а если говорить более изысканно, то теорией и войнами, французы буквально поглотили все пространство. Гильотина расставит все по своим местам?!

Гегель дал фантастический комментарий происходящего. Государство в лице Наполеона он охарактеризовал так: «Сошествие Бога на землю». Самого Наполеона Гегель назвал «Богом, ходящим по земле». Эти слова очаровали меня стилем изложения, во многом ставшим полезным для меня. Очень трудно найти другие слова, способные лучше выразить суть и старых, и новых государств. Этой фразой Гегель смог выразить то, что хотели изложить тысячи религиозных и светских книг. Он действительно создал философию. Могу сказать следующее: англичане успешно справляются с экономическими вопросами, французы с социальными, немцы с философскими вопросами. Но я должен отметить, что попытки создания некоего синтеза всех их чреваты серьезными опасностями.

Думаю, что Наполеон, желая разрушить европейский абсолютизм, в 1802 году озвучил модель, которую мы можем назвать «национальное государство». Он хотел глобального огосударствления французов, хотел усилить Францию и поставить на колени всю Европу. Ему это в принципе удалось. Наполеон не был сторонником феодальной цивилизации. Впрочем, он стремился задушить феодализм в революционном вихре. Он стремился создать вторую Римскую империю, хотел быть похожим на Цезаря и Александра Македонского. Но время не благоприятствовало этому. Не было материально-культурной сферы, на базе которой он мог бы стать таким же императором. Англия на глазах у него мастерски реализовывала искусство гегемонии коварной, тонкой и соответствующей «политэкономическому» учению. Наполеон оказался на грани сумасшествия. Он не извлек никаких уроков из ссылки на остров Эльба. Даже если и извлек, то все равно остался тем же Наполеоном. Это была великая война, но после поражения в Ватерлоо был жалок. Умирая в 1821 г., после пяти лет ссылки на острове Святой Елены в Атлантическом океане он

произнес следующие слова: «Франция! Армии! Жозефина!». Это были слова, великолепно и лаконично характеризующие активного ревностного поборника модели национального государства.

Его теорию взяли на вооружение немцы и, от их имени, — Гегель. Формировался величайший массовый идеологический механизм. Неслучайно его называют немецкой идеологией. Практически шаг за шагом создавалось и достигло расцвета государство Пруссия. Англия, желая отбросить назад Францию и Австрию (в первую очередь, императорскую власть), поддерживала Пруссию. Победа в Седане в 1870 году и создание германского союза привели к тому, что Пруссия стала вторым после Англии гегемоном, противостоящим Лондону. Германия, обеспокоенная несправедливым разделом мира, требовала своей доли. Оказавшись побежденной по итогам Первой и Второй мировой войн, она, подобно Франции, утратила свои идеи гегемона.

Уже доказано, насколько глубоким оказался кризис капитализма (не периодический, а постоянный), продолжавшийся со времен Французской революции вплоть до 1945 года. Германским фюрером во время Второй мировой войны был Гитлер. Символом его власти была свастика. Анализ фашизма проводился неоднократно. Изучали все — сначала марксисты, далее либералы, консерваторы и анархисты, но никому не удалось отразить действительного положения вещей. Ни у кого не оказалось достаточно сил для того, чтобы честно и всеобъемлюще отразить все происходящее. Поразительный интеллект евреев, ставших жертвами геноцида, тоже способствовал отвлечению от истины, в сущности, Гитлер оказался, если так можно выразиться, «интеллектуальными нечистотами, блевотиной» их общей политической практики. Говорят, что ворона считает своего птенца чуть ли не изумрудным фениксом. Разве кто-нибудь из них идеологически и практически скажет откровенно, что изрыгал нечистоты?

Считаю очень разумным одно суждение немецкого философа еврейского происхождения Т. Адорно, соответствующее этому по существу. Первое его суждение я уже цитировал. Применительно к современному капитализму он сказал глубокую фразу: «Неправильную жизнь правильно не проживешь». Второе высказывание этого философа относится к лагерям, где осуществлялось уничтожение евреев. Распознав смысл, он говорит: «Во имя всего божественного и священного человек лишен права голоса». Я могу ошибаться, но суть этого высказывания я понял именно так. Речь идет о том, что ни один геноцид не имеет объяснения. Маска слетела с лица нашей цивилизации. Не осталось права голоса. Франкфуртская философская школа буквально идет по следам этой действительности. Но ощущение подавленности, идущее от чувства вины за соучастие в преступлении, признание этого факта глубоко смутило последователей этой школы, выработало в них чувство обиды. Бенжамин и Адорно в значительной степени осознали ответственность, которую несет еврейская идеология и признают это (обиды на все, меланхолии). Евросоюз в его нынешнем положении является образованием, прикрывающим уже упоминавшиеся нечистоты. Я не думаю, что ЕС убрал эти нечистоты. Глубина кризиса остается неизменной.

Третья большая волна глобализации (глобализация финансовой эпохи), распространяя кризис во времени и пространстве, стала практикой осуществления контроля. Официальный распад советской системы в 1991 году продемонстрировал и ее характер и роль в

постоянных кризисах. Новая сила-гегемон, оказавшаяся на исторической арене после 1945 года и ставшая победителем в «холодной войне», США, объявили зоной стратегической войны Ближний и Средний Восток, всегда являвшийся регионом продолжительных кризисов системы. Что символически выражала казнь президента Ирака Саддама Хусейна, ставшего своеобразным Луи XVI на Ближнем и Среднем Востоке? Данный вопрос требует тщательного обсуждения.

3.1. Развитие нации, явление Нация

Деление на первобытно-общинное, государственное и демократическое общества связано с проблемами классового расслоения и управления. Что касается дифференциации на национальной почве, то она больше обусловлена такими факторами, как язык, культура, право и политическое развитие. Более правильно было бы говорить не об одном национальном типе, а о различных национальных формах. Можно говорить о нациях, сформировавшихся не на одной, а на различных почвах.

Осмысливая категорию нации, следовало бы постоянно иметь в виду общее социальное явление. У всех обществ, в первую очередь, родоплеменных, существует проблема идентичности. Что я представляю собой как общество или сообщество? Это своего рода вопросы идентичности. Подобно тому, как у каждого человека есть собственное имя и национальность, так и общество должно иметь свое название и идентичность, о чем необходимо говорить открыто. Если есть общественные явления, возникшие из различных качеств, бросающихся в глаза, то естественными являются их идентичность и выразительные средства. В противном случае это окажется равносильно связям между членами одной семьи, где нет ни имен, ни общности, но такое невозможно представить даже в клановом сообществе. Даже когда кто-то кому-то говорит простейшее «иди сюда», и тут не обойтись без имени. Без упоминания специфических особенностей обществ, включающих в себя тысячи дифференцирующих признаков, без их названий невозможны ни упоминание, ни установление отношений, ни создание науки, ни осуществление социальных действий, ни какое-либо развитие попросту невозможны. В такой ситуации сложно представить общество без языка, что трудно встретить даже в фауне, где и животные общаются друг с другом на языке символов. Возможно общество, говорящее на многих языках, состоящее из ряда культур, политических линий, правовых учений. Но во всей этой сети взаимоотношений тоже важнейшим условием является наличие имени и идентичности. Может существовать общество, говорящее на двух языках, включающее в себя две культуры, две политические линии и два правовых учения, но это совершенно не отменяет необходимости имени и идентичности. Данная ситуация требует правильного выбора методов совместного существования полиидентичности и различий. Впрочем, общества не могут образоваться и управляться иначе.

Таким образом, выражение родом или племенем своей идентичности в образе собственных тотемов показывает, насколько глубоко в историю уходит своими корнями эта действительность Тотем в обычном смысле означает собственную идентичность рода. И по сей день это можно наблюдать на примере некоторых кланов и племен.

Выражая себя в храмовой идентичности, шумерское общество отражает связь между именовани­ем и верованиями. Зиккурат — эти сеть мнимых отношений. Самоназвание общества оказалось на более аналитическом уровне. Взгляд на весь комплекс взаимоотношений внутри зиккурата, то есть на идентичность, в значительном степени означает признание этого общества. Даже современные абстрактные, символические имена и фамилии очень содержательны и в значительной степени отражают факт жизнедеятельности общества. Городской храм, городской бог и богиня — это кончики нити, разматывающие клубок вопросов, касающихся концепции и силы, на которые опирается общество. Внимание уделяемое священным местам и по сей день, основано на идентифицирующей ценности, коими они обладают. Они определяют себя таким образом. Это и есть то, что мы называем самосознанием. Идентичность — это явление, находящееся в сфере сознания, выражение наиболее эффективного сознания собственного существования.

В монотеистических религиях идентичность общества — это религия и Бог. В данном случае невозможно представить себе общество без религии и религию без общества. Религия и Бог как следствие этой связи, могут быть охарактеризованы как осознание обществом собственного существования. Характеристика исламского общества в большей степени происходит в рамках его религиозного самосознания. Есть и другие инструменты идентификации, например, половая принадлежность, социальная, родоплеменная идентичность, классовая принадлежность, интеллектуальный уровень. Но все эти признаки в целом несут и себе следы влияния религиозной идентичности.

Сами по себе Афины и Рим — это уже идентичность. Я имею в виду античную эпоху. Афинское и римское гражданство было уделом избранных, не каждый мог его получить. Это признак личностного характера и достоинства города. Греческая и итальянская идентичности пока что носят очень расплывчатый характер.

Идентичность в Средние века развивалась в границах народностей. Религия в этом смысле играла очень важную роль. Например, ислам одновременно является выражением арабского самосознания и величия. Иудаизм синонимичен с еврейством. Христианство стало национальным признаком для армян, ассирийцев и греков, принявших эту веру на самых ранних этапах. Религиозный и этнический факторы взаимно питают друг друга. Еще одной очень важной функцией монотеистических религий является преодоление влияния родоплеменной идентичности. Если даже сознание народности не дошло до уровня национального самосознания и идентичности, в Средние века на Ближнем и Среднем Востоке оно в значительной степени стало социологическим образованием с важной ролью монотеистических религий. Связывая религию с чертами народности, можно назвать ее прото — (ранним) национализмом. В тюркском этносе религия является очень серьезным моментом идентификации. Без ислама тюркский и арабский этносы на Ближнем и Среднем Востоке, вероятно, имели бы очень бледные черты. Эти реалии можно наблюдать на примере хазарских тюрок, исповедовавших иудаизм, и арабов-христиан. Связь с религией играла свою конкретную роль для каждой нации и народности.

Распространение христианства в средневековой Европе в значительной степени тесно переплетено с этническим развитием. В предыдущих родоплеменных сообществах общее этническое сознание было столь же слабым, как в арабских и тюркских племенах.

Христианство выполняло роль объективного фактора этнического сознания того периода. Иными словами, в тех обществах, куда устремлялось христианство, оно не делило будущую паству на французов и немцев. Но, способствуя формированию у германских к французских племен общего религиозного сознания, христианство дало им возможность сделать огромный шаг в этническом развитии в смысле совместной идентичности. Вторым шагом стало Политическое развитие в форме монархий. Появление в родоплеменных структурах отдельных от религии общих монархических образований явилось последним большим шагом на пути к образованию наций. Для Франции это стало типичным явлением.

Можно говорить о рождении нации в комплексе социальных взаимоотношений, возрастающих вместе с развитием рынка. Рождение первых европейских наций происходило именно по этой модели. В таком случае, нация является слиянием таких факторов, как родоплеменное сознание + религиозное сознание + общая политическая власть + социальное явление или взаимоотношения, развивающиеся вокруг рынка. Может быть, разумнее было бы назвать это «национальным обществом». Быть нацией и государством — это отнюдь не одно и то же. Например, падение французской монархии совершенно не влияло на дальнейшее существование французской нации. Полезно было бы говорить о нации в целом, в связи с языком и культурой. Но, вместе с тем утверждение, что только язык и культура определяют нацию может оказаться очень узким подходом. Существует много источников, обеспечивающих существование нации, и позволяющих ей оставаться таковой. В формировании нации большую роль играют такие факторы, как политика, право, революция, искусство, в частности, литература, музыка, экономический рынок. У нации нет прямой связи с экономическими и политическими системами. Они могут только оказывать друг на друга взаимное влияние.

Нация — это в высшей степени двусмысленное понятие. Большое значение имеет внимательный и сбалансированный подход к этому явлению. Современные общества — это в большей степени общества, сформировавшиеся как нация. Даже несмотря на наличие маргинальных групп, не ставших нациями, подавляющее большинство все же составляют нации. Казалось бы, нет личности вне нации. Принадлежность к той или иной нации должна восприниматься как естественное состояние общества. На протяжении истории цивилизаций нация имела большое значение в капиталистической системе только во время кризиса. Точнее, гигантские спекуляции, к которым прибегали от имени нации, подготавливали почву для глубоких трагедий.

Чрезмерное внимание, уделяемое факторам, образующим нацию, всегда становилось началом трагедий. Если прибегнуть к примерам, то можно сказать, что связь между нацией и политикой является важнейшим фактором формирования националистической идеологии. Последней остановкой национальной политики стала фашистская власть. Национализм, спровоцированный экономикой, религией, литературой, нашел свой выход из одной и той же двери. Капиталистическая монополия вместо урегулирования кризисов выбирает для себя наиболее легкий путь, выраженный в следующем: ускорив действие таких факторов, образующих нацию, как политика, экономика, религия, право, искусство, спорт, дипломатия, патриотизм. Таким образом, монополия приводит все в состояние систематической цельности, не оставив ничего за рамками процесса образования наций. Тем самым вне влияния власти не остается ни одно общество. Стало быть, монополия просчитывает

наиболее сильную власть (с точки зрения всех наций). Последствия этого процесса оказались устрашающими. Залив Европу реками крови и, способствуя развязыванию войн в масштабе всего мира, он привел к невиданным в истории последствиям. Это нельзя назвать превращением общества в нацию, скорее, превращением этого процесса в религию — это и есть религия национализма. В социологическом смысле национализм является религией. Данную тему я рассмотрю более подробно в соответствующем разделе.

Даже религии, зная об опасности, исходящей от этницизма, демонстрировали предельно последовательную и интернациональную идею коммуны. В этом смысле цивилизация пережила самый чудовищный период своей истории именно в эпоху капитализма.

Наиболее эффективной моделью для всех наций является демократическая нация. Надо с особой значимостью подчеркнуть, что демократичное общество является наиболее конструктивным типом общества, способствующим прогрессу. Нации могут формироваться и развиваться в самой лучшей демократической общественной системе. Они должны не становиться орудием споров и войн, а солидаризоваться в культурном богатстве, даже, более того, способны осуществить такую историческую эволюцию, которая сделает демократическую нацию нацией всех наций — высшей нацией. Только в демократической системе нации смогут перестать быть причинами конфликтов и стать факторами мира и братства, солидарности и культурного богатства. Эту тему, в силу ее важности, я надеюсь в свое время рассмотреть более подробно.

Конструктивным путем освобождения от проблем, связанных с нацией, является позиция, которая не отрицает факта существования нации, не доходит до чрезмерной национализации образующих ее факторов, не принижает нацию до уровня ее факторов, в частности, не политизирует и не превращает нацию в орудие крайне националистической власти. Напротив, необходимо развивать демократическое национальное сознание и практику.

3.2. Определение государства

Государство — понятие, которое чаще всего использовалось в истории и используется сейчас. В то же время это понятие, оставшееся в глубочайшей тьме, менее всего определенное и охарактеризованное. В отношении того, что же такое есть государство, имеет место поразительная невежественность. Для анализа современности, равнозначного анализу истории, а также для выхода общества из состояния кризиса, в качестве фундаментальной задачи имеет большое значение правильное истолкование и определение государства. Эта задача продолжает оставаться актуальной и сегодня. Хуже всего то, что ни круги, считающие себя действующими в структуре государства, ни те, кто остался за его пределами (если таковые есть), толком не знают и не понимают характера того механизма, частью которого являются. Не верно определяется характер государства (в частности, трагедия социалистического лагеря). Эта ситуация напоминает не только диалог слепых и глухих, но и всеобщий хаос, возникший после столпотворения в Вавилоне, где, по преданию, заговорили на семидесяти двух языках. Государство воспринимается как сфера решения большинства проблем, а присутствие в его структуре — тождественным освобождению от всех проблем. Еще один шаг в сторону государства, и тогда наступит состояние восприятия государства в образе бога-государства.

Глубокий социологический анализ свидетельствует о том, что на протяжении всей истории цивилизации божественный фактор и образование государства развивались в тесной взаимосвязи. Вклад жрецов в становление государства является основной причиной такого тесного взаимосвязанного развития институтов государства и религии. Очевидно, что, создавая государство, в частности, в образе шумерского храма-зиккурага, использовали идеологическую маску политического лидера пантеона богов, идеологический фактор. Следующим после жреца-царя является формирование образа бога-царя. Вплоть до эпохи Римской империи использовалось зародившееся в шумерских зиккуратах понятие бога-царя или императора. Переместив данное понятие на бога-пророка или бога-посланника, религии Авраама хотели придать образу человеческие фигуры. Это им удалось с успехом.

Очень интересная ситуация заключается в отделении божественного от человеческого, имевшем место в древнегреческой мифологии (что является третьей версией мифологии, унаследованной от шумеров). Пантеон, созданный Гесиодом в соответствии с уровнем собственного понимания, ни в коем случае не мог быть связан с людьми — это было бы стыдно. Взаимоотношениям между богом и богиней настойчиво придается некий кастовый характер. Брахманская каста индусов, являющаяся бледной копией бога-царя, тем не менее, выглядит более жесткой. Они крайне тяжело воспринимают очеловечивание бога, формирование вокруг него каких-либо отношений. Если перевести это на язык науки, то получится, что на идеологическом уровне (в мифологии и религиях — слабо, в философии —

частично) они категорически не допускают того, что государство могло быть делом рук человеческих, стараясь сохранить в рамках глубочайшей веры многослойную завуалированность государства и его божественную суть. Такие характеристики, как величие государства, его священный характер, средство освобождения и прочее, своими корнями действительно уходят в мировоззрение шумерских жрецов, ставших первыми строителями государственности. Государство было создано в чреве храма, который я пытался ранее охарактеризовать.

Идея Гегеля, назвавшего тандем «нация-государство», начало которому было положено Наполеоном, «сошествием Бога на землю», а самого Наполеона от отождествившего с «Богом ходящим по земле», является в высшей степени поучительным в свете вышеприведенных пояснений. Национальное государство является самой последней формой тандема «бог-государство». Вместе с тем, это — наиболее опасная форма государства.

Социологический научный метод только пытается охарактеризовать этот клубок взаимоотношений (государство). Я считаю своей основной задачей обсудить и поделиться мнениями по этому вопросу, над которым я серьезно работал на протяжении длительного периода. Надеюсь, это прольет свет на многие вопросы. Характеристика государства в сочетании с властью может стать хорошим началом. Все формы власти, облаченные в закон, можно назвать государством. Власть, заключенная в границы, сконцентрированная в комплексе структур с установленными правилами, хорошо характеризует государство с правовой точки зрения. Но этого недостаточно. Это представляет более законченный взгляд, поскольку, раскрывая суть, объединяет ее с формой, в комплексе рассматривает содержание и форму. Объединив этот взгляд с общественно-историческим развитием, можно дать содержательное определение государства, имеющее серьезное пояснительное и смысловое значение.

Мне известно много определений государства. Нет никакого смысла повторять те клише, которые на протяжении многих лет вызубривались как в лагере либералов, так и в лагере социалистов. Прежде всего, надо установить, чем не является государство:

- а) Оно не может ни примерить, ни удержать в сбалансированном состоянии равновесия классовые противоречия. Характер государства как инструмента классового угнетения, считающийся его преобладающей стороной, также не особенно способствует его развитию.
- б) Государство совершенно не способствует урегулированию хаотической ситуации. Оно далеко от укрепления безопасности, выражения реальных идеалов системы;
- в) Государство совершенно не является сферой решения проблем и достижения целей. Напротив, оно становится платформой, доводящей конфликтные ситуации до состояния гангрены на теле общества;
- г) Связь государства с религией и святостью сводится лишь к мифологии и имеет идеологический характер;

д) Государство не выражает ничего в плане формирования и управления нацией, религией, культурой.

Каждый из этих примеров, череду которых можно продолжить, преимущественно является пропагандой. Государство стремится к упомянутым ситуациям. Но история показывает, что государство не сыграло никакой иной роли, кроме превращения жизни в кровавую бойню, ассимиляции, создания ленивого общества, превращения человека в глупую жертву спекулятивного мышления. Я не отрицаю роли государства в управлении обществом. Не думаю, что осмысленной и применимой является позиция анархистов, полностью отрицающих государство. Как и в случае с социалистами, история показала неудачный характер практики анархистов, длившейся полтора века. Многие правильные вещи, о которых говорят анархисты, тем не менее, не могут устранить серьезной ошибки, таящейся в их генеральной линии. Позиция либералов, говорящих «минимум государства», в каком-то смысле кажется осмысленной. Они поняли, что государство является навязанной обществу системой экономических монополий, но ревностная защита либералами тезиса о том, что капитализм является наиболее эффективной экономикой, покрывает грязью все их характеристики государства и делает их самыми большими лжецами.

Более реалистичным было бы в узком смысле слова назвать государство «экономической монополией, построенной на прибавочном продукте — стоимости». Для того, чтобы увести прибавочный продукт — стоимость из общества, государство применяет все, от идеологических средств до силовых инструментов, стремясь утвердиться в качестве надстройки над обществом, и, тем самым, организовать в форме монополии. Если смотреть на проблему сквозь призму узкого просвета данного определения, можно констатировать, что государство является искусством управления, координирующим политику, государственную политику, и, в конечном счете, реализацию прибавочного продукта и стоимости. Если привязать характеристику государства к грубой формулировке, то получится, что ГОСУДАРСТВО = ПРИБАВОЧНЫЙ ПРОДУКТ — СТОИМОСТЬ + ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА + СИЛОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ + ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ. Если же оценить роль и место государства в ракурсе всего исторического пути, то, говоря «государство», можно увидеть действие всех этих факторов. За пределами данных элементов и факторов невозможно охарактеризовать государство ни как единое целое, ни как отдельные средства, более того, это поможет раскрутить клубок взаимоотношений под названием «государство».

1. Определение «государство есть аннексия прибавочного продукта» верно, но недостаточно.
2. Идеологическая характеристика государства как некоей религиозной святости или тени бога, спустившейся на землю, конкретизировавшего образа бога, не даст никаких результатов, кроме маскировки для различного рода насилия.
3. Характеристика государства как инструмента насилия является нравственным суждением с очень слабой научной базой, поскольку исключает все остальные элементы.

4. Мнения, согласно которым государство является искусством управления, администрированием, по меньшей мере, так же, как и нравственные суждения, таят в себе иную серьезную опасность, так как игнорируют другие элементы, которые нельзя не упоминать.

Несомненно, все указанные элементы играют незаменимую роль в жизнедеятельности государства, но сами по себе не могут считаться государством. Поскольку большинство приведенных определений выдвигает каждый конкретный элемент, требуя различий, они способствуют недостаточным оценкам.

Государство в ракурсе всей истории можно классифицировать в виде разнообразных разделений:

А. С точки зрения социальных классов, лишенных своего прибавочного продукта и стоимости, существуют такие типы государства:

1. Рабовладельческое государство — это форма государства, в котором человек за хлеб насущный не только своим трудом, но всем своим существованием принадлежит государству и отдельным господам, находящимся в структуре государства. Это — главная форма эксплуатации древней цивилизации. Рабы в этой формации являются основным средством производства.

2. Феодальное государство — это ограниченно смягченная форма рабовладения. Отличие крепостного крестьянина от бывших рабов заключается в том, что крепостной имеет право создать семью. Несмотря на то, что крепостной крестьянин привязан к условиям, практическая реализация которых крайне затруднена, данная формация имела место в средневековой цивилизации, поскольку давала больше возможностей для создания прибавочного продукта и стоимости.

3. Капиталистическое государство — это форма государства, берущая за основу социальный класс, продающий свой труд как товар на рынке труда. Гораздо правильнее было бы говорить не о форме, а о разделении или структуре. Это государство эпохи капиталистической цивилизации.

Б. Еще один из стилей разделения — это то, что делается в отношении этнического существования правящих слоев:

1. Государство жрецов получило свое наименование по той причине, что несет на себе отпечатки деятельности группы жрецов, ставших первыми строителями государства. Такие понятия, как «храм», «священное государство» или «бог-государство», относятся именно к этой категории.

2. Династическое государство. Определяется по династии, находящейся у власти. Можно также назвать потомственным государством. Это правящий стиль государства, который имел распространенное влияние во все периоды цивилизации, даже в современных государствах. Речь идет о государстве, основная правящая группа которой сформирована на базе семьи или династии.

3. Родоплеменное государство — это форма государства, находящегося под влиянием одного племени или рода. В частности, такой тип государства дал о себе знать в эпоху Средневековья, когда было сильно развито родоплеменное сознание. Состояние государства в христианстве, исламе, иудаизме, в Индии, Китае и многих других родоплеменных структурах позволяет дать такое определение государства. Религия в данном случае играет роль в образовании народности.

4. Народное государство — это форма государства, охватывающего общества, ставшие на путь консолидации в нации. Это форма государства новой эпохи (в узком смысле капиталистической эпохи). Она получает свою роль в управлении не только в капиталистическую эпоху, но и в эпоху демократии, точнее, добиваясь согласия с ней (государство + демократия). Когда оба института действуют вместе, то есть когда действует режим государство + демократия, эту ситуацию можно назвать народным государством. Оно отличается от модели национального государства, поскольку в рамках одного народного государства могут сосуществовать многие нации.

5. Национальное государство. Эта модель государства, в рамках которой существует только одна нация, все представители которой на базе религии, называемой национализмом, олицетворяют себя с государством. Нация и государство в этой модели едва ли не сливаются воедино. Это основная форма государства в условиях капиталистической цивилизации. Невозможно отделить ее от формы государства, называемой фашистской, поскольку последняя является разновидностью модели национального государства, возникающей в условиях контрреволюции или постоянных кризисов в рамках капитализма.

В. Этот стиль разделения может быть реализован по принципу выборности или назначения, перехода власти от отца к сыну или путем силового захвата власти.

1. Монархическое государство. Это государство, символизируемое одной правящей персоной. В данном случае имеет место слияние государства и правителя. Эта персона может быть монархом, точнее, королем или императором. К престолу монарха можно прийти или путем перехода власти от отца к сыну, или путем его силового захвата. Это существовало на всех стадиях цивилизации. Оно отражает слабость государственной структуризации.

2. Республика. Это форма прихода к власти основной группы управляющих путем выборов. Во власть может быть избран один человек, или тысяча людей, особой разницы ощущаться не будет. Если и будет ощущаться какая-либо разница, она не изменит сути. Порой смешивают республику и демократию. Это очень грубая ошибка. Республика — это форма государства. Выборы проводятся для управления очень сильными государственными структурами. Выборы для демократии, как власти народа, не проводятся. Демократия — это совершенно другая система. Это форма управления, не соответствующая государственному стилю. Естественно, у демократии тоже есть собственные структуры, и для управления ими проводятся выборы, но демократия и государство по своей сути отличаются друг от друга. Все интеллектуалы-просветители, включая марксистов, полностью запутались в этой ситуации. Даже Ленин запутался в этой ситуации. Факт в том, что между демократией и официальными цивилизациями, составляющими ядро государственной власти, есть

серьезные качественные отличия.

Таким образом, не следует путать демократическое управление с государственным (независимо от того, выборное ли государственное управление, или нет), и это имеет большое значение. Что касается государства, то это, в основном, традиция управления - структурное управление, уходящее корнями в глубину тысячелетий. Функция выборов в управлении имеет крайне ограниченный характер. Что касается выборов, то они, прежде всего, обеспечивают желаемое превосходство друг перед другом. Превосходство **МОНОПОЛИСТИЧЕСКИХ КЛИК ВНУТРИ ОДНОГО ГОСУДАРСТВА** (земледельческая, торговая, индустриальная или финансовая монополистические клики) в зависимости от своих силовых позиций. Избирается более сильная клика. Иными словами, речи не может быть о демократии или победе демократии.

Ни в какой демократии нет такой ситуации, когда человека назначают на пост только путем выборов. В демократических структурах могут участвовать в управлении даже те, кто не победил на выборах. Но основное условие заключается в том, что путем выборов демократическому обществу предоставляется шанс реализовать, с краткими перерывами, свое управление на почве различных форм прогресса и плодотворности, созидательности, закона, свободы и равенства.

Г. Еще одна форма разделения осуществляется в отношении групп, которые отнимают прибавочную стоимость:

1. Сельскохозяйственное государство: на заре своего рождения государство как таковое организовано как руководство процессом аннексии прибавочного земледельческого продукта, поэтому именно такая характеристика данного типа государства может иметь наиболее пояснительный характер. Можно говорить об аграрном государстве, на протяжении истории, функционирующем в пропорциональном отношении с мощностью аграрной клики, существующей в структуре многих государств.
2. Торговое государство (меркантилистское государство) Это форма государства, руками торговых организаций уводящая прибавочную стоимость и прибавочный продукт. Например, историческими примерами такого типа государства являются Ассирия и Финикия. И в наше время существуют государства, в структуре которых функционируют очень сильные клики торговцев.
3. Финансовое государство. Это форма государства, основанная на силе денег. В качестве примера можно привести Швейцарию. Но гораздо важнее то, что сегодня можно говорить о серьезном усилении финансовых клик и монополий в структуре всех государств, более того, об определенном влиянии на власть, поскольку последней, глобальной стадией капитализма является эпоха финансового капитализма.
4. Индустриальное государство. Существует множество государств, которых называют индустриальными, поскольку они по причине индустриальной формы производства играют господствующую роль в экономике, благодаря индустриальной революции. В XIX веке главным идеалом было становление в форме индустриального государства.

Индустриализация была тождественна обогащению. Целью всех созданных государств являлась индустриализация. Тем самым наиболее сильная государственная клика формировалась на базе промышленников. Основными монополистическими кликами, укоренившимися в структуре государства, были крупные торговцы в XVIII веке (меркантилизм), промышленники — в XIX веке (индустриализм) и финансисты — с XX века по наши дни. В основном они и управляют клубком взаимоотношений, который называется государством.

Д. Еще одной, более интересной формой разделения является форма фальшивой государственности, которая возникает в качестве идеологического механизма, прикрывающего монополию капиталистического государства. Было бы полезно рассмотреть так называемые модели этого государства, которые довели данное понятие до неузнаваемого состояния и состоят из идеологических образований, потому что повседневная жизнь находится во власти этих понятий.

1. *Либеральное государство.* Это так называемое идеологическое понятие политэкономистов. В переводе это название означает «свободное государство», но в реальности между свободой и государством существует не модель взаимного перекрывания, а противоречие. Государство по своей сути является ограничением свобод. На протяжении всей истории одной из крупнейших проблем была защита свободы личности и групп от государства; эта борьба была наиболее важной в ряду всех политических и правовых войн. В частности, можно сказать, что этот тип государства меньше всего вмешивается в экономику, хотя сам факт существования государства возможен только в рамках экономической монополии. Следовательно, разговоры о государстве, которое «меньше всего вмешивается в экономику», — это просто чушь, противоречащая сущности такого понятия, как государство. Не исключено, что при помощи таких представлений хотят расширить возможности и увеличить долю монополий, царящих в капиталистической экономике.

2. *Социалистическое государство.* В частности, это понятие очень часто используемое в социалистическом лагере, — такая же чушь, как и понятие «либеральное государство». Истинный социализм не имеет никакого отношения к государству. Государство находится в состоянии противостояния с социализмом, по меньшей мере, так же, как и с демократией. Смешивание государства, исторически являющегося совокупностью крупных экономических монополистических клик, с социализмом — системой равенства, оказалось самым большим грехом оппортунизма. Социалистическое государство, в некоторых случаях ставшее современным аналогом явления, охарактеризованного как «социализм фараонов» обнаруживает тесную связь с протофашизмом, поскольку иногда является наиболее открытой государственной формой капитализма, аналогом мононационального государства (фашизма). Модель национального государства отражает истинный характер и либерализма, и реального социализма (государственного социализма), поэтому большое значение имеет оценка его связи с фашизмом (в форме авторитаризма и тоталитаризма). Достаточно полезно было бы охарактеризовать либеральное и социалистическое государства, находящиеся на пути к фашизму, как прото-фашизм.

Сторонникам социализма следовало бы очень хорошо знать о том, что если строительство социализма руками государства, являющегося фундаментальной структурой аннексии прибавочного продукта и прибавочной стоимости в рамках не только четырехсотлетней капиталистической традиции, но и пятитысячелетней традиции цивилизации, и защита такого типа государства осуществляется умышленно, то это фашизм, если же социализм неумышленно становится орудием такого преступления, то это предательство по неосведомленности. Эти вопросы я надеюсь детально раскрыть в рамках «Социологии Свободы».

3. *Фашистское государство* — это понятие, лишенное какого-либо серьезного смысла. По своей национал-государственной сути это тождественно с фашизмом. Характеристика фашизма как некой вакцины, при помощи которой извне, безучастия капитализма, заражается система, — это самое большое несчастье интеллектуалов, называющих себя либералами и социалистами. Капитализм, как цивилизация и государство, является систематическим выражением стремления постоянно держать на короткой привязи такие механизмы, как мононациональное государство и, следовательно, фашистские режимы. Фашизм — это правило, а исключением из него является то, что он вынужден идти на соглашение с демократической структурой!

4. *Демократическое государство*. Мы неоднократно говорили о том, почему государство не может быть демократическим. Государство не может иметь демократичный характер потому, что между государством и демократией, по сути, имеется огромная разница в мышлении, структуре общества и стиле функционирования. Однако, в качестве основательного фактора можно указать то, что на протяжении всей истории, а большей частью в наши дни, в силу своего постоянно углубляющегося кризисного характера капиталистическая цивилизация вынуждена искать пути соглашения с демократической цивилизацией. Иными словами, государство не может управлять обществом самостоятельно. Оно оказалось в таком состоянии, когда вынуждено идти на управление совместно с демократическими силами. Таким образом, соглашения возможны. И они подтверждаются множеством исторических примеров. Если государство (независимо от своей формы) ищет сближения с демократическими принципами и структурами и строит сотрудничество, то в плане открытости для демократических преобразований такой термин, как «демократическое государство», может иметь определенный смысл. На мой взгляд, наиболее верное определение — это «государство + демократия». Ранее я подчеркивал, что наиболее актуальной (неотложной) функцией политической философии является ее базирование на государственных формах, поскольку современными обществами уже невозможно управлять при помощи логики классических государств. Именно по этой причине приведены в движение организации гражданского общества. Но этого попросту недостаточно. В существующем состоянии не представляется возможным заполнение административного вакуума и распределение всех функций при помощи этих организаций.

Единственным путем выхода из данной ситуации мне кажется соглашение между более радикально организованными структурами демократического общества с государственными структурами, чьей деятельности придан импульс эффективного функционирования. Существующие практики показали несостоятельность утверждений на данном историческом этапе (продолжительность которого никто не может предположить) о

возможности самостоятельного существования капиталистической или демократической цивилизации, или социалистической системы, более того, такие утверждения чреватые катастрофическим и трагическими последствиями. Социум становится обществом потерянных людей. Продлеваются боль, кровопролитие и эксплуатация. (Эти вопросы будут широко раскрыты в «Социологии Свободы»).

Есть некоторые другие понятия. Например, в первую очередь это понятие «правовое государство». Поскольку государство как экономическая монополия существует благодаря экспроприации прибавочного продукта, по своей сути оно не может быть справедливым или правовым. Но оно носит такое название по тому, что оно требует от своих граждан следования созданным им правилам, справедливым и заранее установленным законам. Несомненно, такое возможно в сравнении с деспотическими государственными режимами, где ежедневно создаются новые законы, или падишахскими монархиями, где каждое слово монарха — это уже приказ. Однако, в сущности, такого понятия, как «правовое государство», просто не может быть. Точно также не имеет большого смысла и такое понятие, как теократическое государство. В силу того, что государство как таковое было создано жрецами, на протяжении всей истории оно преподносилось обществу в священных одеяниях. Такие идеологические механизмы государства, как религия, мифология, философия и даже «научность», скорее, относятся к категории пропаганды. Светское государство подразумевалось как антипод религиозного государства, но по смыслу они аналогичны. Слова о светском или религиозном, теократическом государстве (созданные в идеологических целях) имеют не более чем пропагандистский характер.

В итоге можно констатировать, что государство, как стержень цивилизации и истории цивилизации дошло до наших дней с помощью постоянного расширения сфер своего влияния. Путем постоянных стыковок с бесчисленными формациями государство тщательно камуфлирует свою деятельность. Впервые в рамках капиталистической цивилизации появилась возможность, несмотря на всевозможные идеологические искажения, дать определение государства в ракурсе его реальной деятельности. Это определение стало наиболее осмысленным завоеванием в борьбе против капитализма, являющейся результатом гигантских интеллектуальных и практических усилий. Горячей точкой остается упрочнение процесса развития и успехов демократической цивилизации в свете этого определения посредством обогащения его осмысленного содержания и соответствующих формаций (то есть как в организационной, так и практической сферах).

3.3. Идеология капиталистической цивилизации (модернизм) и ее превращение в религию

Цивилизация формируется на основе длительного строительства идеологии. Вопросы типа «Что важнее, материальная или идеологическая культура?» ни к чему, кроме путаницы не приводят. Все станет гораздо яснее, если приведу пример, имеющий глобальное значение в физическом мире. Долгое время оживленные споры вызывал вопрос о том, что важнее, частица или волна. В результате пришли к общепринятому выводу о том, что дилемма «волна-частица», лежащая в основе Вселенной, развивается в рамках фундаментального диалектического формирования (не разрушающей, а развивающей диалектики). Дилемма «материальная культура — идеологическая культура играет сходную роль, хотя и в другом характерном ракурсе. Данные факторы не противоречат один другому, а подпитывают друг друга. Взаимно преобразуясь, эти факторы рождаются заново. Подобно тому, как волна, зарождающаяся благодаря любой частице или материи, формируется в фактор духовной культуры, так и волна, и факторы духовной культуры формируют частицы материальный фактор. В системе цивилизации имеет место общее искажение аналитического ума, и причина того — системы, построенные ради собственной выгоды. Выстраивая такие дилеммы, как неизменные правила, абсолютные законы, которые должны всеми исполняться, приоритетность богов, священный характер государства, его вечность, великолепие идеалов, временный характер явлений, неизменная суть, изменчивость формы, они хотят утвердить и систематизировать свои интересы. Это подход, противоречащий диалектике образования Вселенной.

Споры о базисе и надстройке общества тесно связаны с этими искажениями в строительстве цивилизации. Гегель начинает строить свою систему преимущественно с надстройки, то есть с государства и права. Точно так же, как всемирная система начинается с абсолютного разума (Духа). Что касается Маркса, он уделяет преимущественную роль производительным силам и производственным отношениям, называемым «базисом». Как бы он ни говорил о том, что поставил все с головы на ноги, но, по сути, разделяет логику Гегеля. Что же это

такое? Один говорит о том, что основным является этот элемент, другой — важнее иной элемент или тот, который определен. Все это означает попадание в ловушки грубой логики субъектно-объектной дифференциации. Как бы они не утверждали о противоположном, речь идет о продолжающемся мышлении старых цивилизаций. Именно в этой логике кроется неудача, постигшая теорию социализма Маркса. Его определение экономики очень запутанно, и он строит свое учение на основе всех смысловых средств классического цивилизации. Какие бы героические действия ни совершались, какие бы правильные слова ни произносились, итог оказывается отнюдь не таким, как толковались реалии.

Возникая, капиталистическая цивилизация (современность), превосходящая шумерских жрецов, мастерски осуществляет деятельность по идеологическому строительству, приводя все в систематическое состояние — можно даже сказать, что в стиле государства, прежде всего, вооружившись идеологией, пройдет долгий путь. Ни одна цивилизация не была создана единственным творцом, но сама цивилизация пытается изобразить все именно таким образом. Этот тезис очень важен. Достаточно обратиться даже к пророку Мухаммеду. Содержание первых и последних аятов Корана очень отличается друг от друга. Имеет место постоянное развитие образа Бога. Сначала пророк говорил о Боге, дающем ему священную книгу и буквально велящем: «Читай». Затем пророк Мухаммед начинает развивать систему. По частицам он создает систему аятов, точнее — создает основу этой системы. Позднее был сформирован мощный, как скала, свод идеологических правил. Строительство системы стало делом столетий.

Мы не сможем разобраться в средствах мышления современного капитализма до тех пор, пока не познаем все стороны его систематики. Современный капитализм не сам создан все свои понятия, версии и практическую линию; он просто переложил их на почву тысячелетнего наследия, при помощи которого его «дом» обрел новую архитектурную систему и содержание. С перва, современный капитализм завершает путем строительства идеологии образ собственного класса, затем один или несколько государственных классов, построенных подобно ему. Он завершает свое строительство во всех сферах, от моды до философии, от контроля производства до потребления и контроля политики. Позднее современный капитализм делает это в масштабе континента и далее уже в мировом масштабе. Если прибегнуть к перечислению, то получится следующее:

1. Создатели этой идеологии во главе с Р. Декартом и Ф. Бэконом строили новые логические принципы и утопии, необходимость в которых продиктована образованиями, давшими о себе знать в XVI столетии. Несмотря на то, что это выглядит очень просто, но, актуализируя дилемму «дух-тело», можно увидеть, как субъектно-объектная дилемма, цепная реакция и позднее сформулированные мысли обостряются вплоть до господства «капитализма, буржуазии». Не только происходит отрыв от феодальной логики, но для возникновения нового класса и стимулировании его всевозможных акций создается новая логика. Более того, что особенно важно, в соответствии с интересами новых и старых классов, которыми он должен управлять, преимущество достигается при помощи этих идеологических созданий. Это старая игра, но в нее играют в предельно обновленной форме. Классом новых жрецов стали философы и ученые. Из идеологической коробки феодализма, даже рабовладельческой формации постоянно вытаскиваются новые понятия и теории. В зависимости от ситуации они или латаются, или создается совершенно новая

модель (но принципы те же).

Если идти по следам рассуждений Декарта, то увидим, что невозможно не распознать поразительные элементы идеологического строительства. Декарт сначала во всем сомневается. Расшифровка его шифра показывает, что он хочет сказать следующее: феодальный класс вынужден раскрыть свой идеологический панцирь, следовательно, свою власть. Он не мог высказаться откровенно, ведь иначе ему угрожала инквизиция. Значит, он вынужден строить свою философию на крайне абстрактном уровне. Позднее он сказал: «Я мыслю, следовательно, я существую». Тем самым дается знак о готовности идеологической почвы и грядущем последовательном действии всех элементов. Фактически он говорит всем: «Сомневайтесь во всем, лишь глубокая мысль подтвердить ваше существование». Не очень трудно расшифровать его именно таким образом. Стиль жизни, выдвигаемый феодальной формацией, не имеет никаких ценностей. Новую жизнь вы можете построить силой своей мысли. Говоря о Боге и иных мирах, при помощи дилеммы «дух-тело» напоминая о значении этого мира, он считает, что после того, как бог сделал первый толчок, Вселенная перешла в постоянное, самостоятельное движение. Если расшифровать это высказывание, увидим что, на важность создателей старой цивилизации, существует новая цивилизация, которая может самостоятельно создать новую цивилизацию. Если же говорить на «классовом» языке, то можно сказать, что рождается новый класс, способный мыслить и построить собственный мир на базе собственных законов движения и деятельности.

Попробовав дать краткий анализ суждений Ф. Бэкона, увидим, что основным в его логике является опыт. Все, что подтверждается опытным путем, обобщается. Он считает, что мысль, не подтвержденная опытом, не достойна стать наукой. Можно расшифровать и его тайнопись: все изучается на практике, в действии; не доверяйте устаревшим глупостям, наука это сила; наш опыт и все то, чего вы достигаете своими действиями, мысли, до которых вы вынуждены доходить, только могут сделать вас сильными. Поддается расшифровке и классовый шифр. Новым силам, формирующимся на базе прибавочной стоимости с помощью его капиталистических монополистических методов, он хочет сказать следующее: «Лично испытывайте все в направлении собственных достижений, а не в рамках старого догматического мышления, расширяйте и обобщайте результаты; вы обретете силу при помощи знаний и постройте свой дом и свой мир».

Безусловно, неправильно считать передовой силой капиталистического монополизма армию ученых и философов, постоянно расширяющую свои ряды с XVI века по настоящее время. Более того, известно, что количественно и качественно большинство из тех, кто участвовал в трех исторических движениях (Ренессанс, Реформация и Просвещение), обладали свободолюбивым мышлением и были моралистами, и в день, когда родились последствия в форме капитализма, они испытывали ненависть к системе, правящей клике и стилю жизни. Не может быть сомнений и в том, что вспыхнувшая в Европе революция в мышлении является ценностью, принадлежащей всему мировому человечеству. Большинство вождей этой революции - гуманисты. Они были очень далеки от религии и национализма. Что касается научной и философской деятельности, то это само по себе является революцией. Если это все и будет принадлежать какой-либо социальной прослойке, то, несомненно, что вышеупомянутые люди окажутся на стороне тех, кто более всего нуждается в свободе, равенстве, демократии, а не с теми, кто находился бок о бок с ценностями классической

цивилизации.

Мы испытываем благодарность им, когда пишем эти строки. Проблема не в этом. Подобно тому, как прибавочный продукт, отнятый у его истинных владельцев, был использован в строительстве нового социального класса в качестве правящей силы, таким же образом аннексируются интеллектуальный прибавочный продукт и ценности, которые используются в строительстве собственного интеллекта. Эти действия мы спокойно могли бы назвать кражей мышления. Им удалось построить новый модернизм, который во всех отношениях соответствовал интересам их класса. Следует хорошо знать о следующей особенности государственных монополистических клик. «Там, где можно получить гуся, курицу не жалеют», — считают они. Мастерски используя существующие трудности (экономические, социальные, политические трудности), притянув на свою сторону, они смогли эксплуатировать интеллигенцию точно так же, как эксплуатировали социальные слои, создавшие экономику. Сколько творческих личностей, ученых и философов монополисты взяли под свой контроль и, даже вовлекая их в работу механизмов власти, осуществляли эту эксплуатацию! Им удалось экономическими социальными и политическими методами нейтрализовать тех кто восставал против них. Известно, чему они подвергли Эразма Роттердамского, Галилео Галилея, Джордано Бруно.

Подобно тому, как руками государственной монополии вновь была установлена власть над экономикой, столь же влиятельным оказалось движение идеологической монополии. Восстания подавлялись очень действенными методами в политической, идеологической и экономической сферах. В конце XVIII века монополисты одержали победы не только на фронте экономических монополий (в промышленности), но и на политическом (Великая Французская революция) и идеологическом фронтах (национализм и национальное государство). Проигравшими оказались христиане-католики, монархии старого типа, империи и гуманисты. Подобно тому, как экономика была поглощена монополистами, являющимися ее противниками, также начался процесс поглощения демократических движений и наций со стороны национальных государств и национализма. Что касается аристократии, католической церкви и всего христианства, то им мало было, если и без прежней доверительности, но все же пойти на соглашение с новыми господами в рамках своих интересов. Следовательно, речь идет о том, что до XIX века победили не только новые экономические монополии (торговые, промышленные и финансовые). Столь же важными оказались победы, одержанные на идеологическом фронте.

2. В феодальную эпоху разложилась традиция создания религии. Последствием стало возникновение протестантизма. Католическая церковь утратила свой величественный статус. Пришедшее на смену ей протестантизм, как это прекрасно представлено Максом Вебером, продемонстрировало всем свое полное соответствие требованиям капитализма. Светский стиль мышления, как явление, требующее своего анализа, стал одним из успешных итогов этого периода. Христианство своим чрезмерным догматизмом буквально подавило мышление народов Европы, большинство которых представляли собой свободные родоплеменные сообщества. Противоречия с миром оказались четко ясны. Когда были утрачены политические и экономические позиции, нетрудно было ожидать скорого ослабления идеологического влияния религии. Более важным стало возникновение чудовища под названием «светский стиль мышления». Хотя семантически это понятие

означает «вне религии», крайне расплывчатым остается вопрос о том, насколько это вне религии, или внутри религии. Буржуазия бросилась в объятия такого явления, как позитивизм. Позитивизм объявил себя новой мировой религией, и можно ли представить себе, чтобы лаицизм оставался вне религии? Что вообще мог означать термин «новая религия»?

Религиозный характер позитивизма зиждется на явлениях. В сущности, для позитивизма явление — это фундаментальная Истина. Нет реальности, которая не была бы явлением, хотя исследования и философия (как единое целое) свидетельствуют о том, что явление и восприятие тождественны по своей сути (явление=восприятие). Что касается восприятия, то оно — наиболее простое мыслительное действие. Это — метод грубой информированности (ненаучный и ошибочный тип знаний) ставший следствием самого поверхностного наблюдения за объектом. Доведение явления до состояния позитивизма означает придание объекту роли основных реалий. В основе язычества (идолопоклонничества) лежит тот же метод: превращение объекта в предмет поклонения. В этом положении, несмотря на все нападки позитивизма на метафизику, в первую очередь религию, позитивизм и сам по причине объективной истины превратился и самую грубую материалистическую религию, то есть стал метафизическим учением, являющимся новой производной объектного идолопоклонничества модернизма, его представителем. В то же время это его наиболее поверхностная разновидность. Такого же мнения Ницше. Эту тему я широко рассмотрю в «Социологии Свободы».

Разрушительное воздействие позитивизма на мышление людей сравнимо, по меньшей мере, с теологиями Средневековья. Он даже не понял великих духовных миров человечества. Утверждая, что пришел конец метафизического мира, позитивисты выбросили на свалку ценности гуманизма, достигнутые за миллионы лет. Это было движением невежества. Слова или название, использованные пророком Мухаммедом в отношении Абу Джахила (невежественность), полностью могут быть адресованы позитивистам. С точки зрения социологии они современные "абу джахилы". Надо хорошо понимать о том, что учение вне религии (лаицизм) и позитивизм (позитивистская философия или религия) вместе с грубым материализмом (сознание человека подобно религии, оно только отражает) являются идеологическим покровом, тесно связанным с капиталистическими монополиями. Уже более четырехсот лет при помощи этих трех версий осуществляется разрушительная деятельность и террор в отношении нового общества, в отношении духовного мира общества.

Без разрушения общества, тысячелетиями существовавшего под влиянием духовной культуры, то есть нравственности невозможна была бы победа материальной культуры капитализма. Именно по этой причине было необходимо идеологическое завоевание. Антагонизм с религией был обусловлен этими нравственными параметрами. Эти три философии оказались очень эффективными в разрушении нравственности общества. Нравственно опустошенные общества или становятся извращенными, или предельно легко сдают свои позиции. Именно это и имело место. Своей позицией вне религии лаицизм разрушил нравственную составляющую религии. Позитивизм открыл путь новому идолопоклонничеству. Ярый потребительский характер общества, его стремление к обладанию вещами можно было бы назвать современным идолопоклонничеством. Огромный

нравственный упадок наступил именно по этой причине.

Антиметафизический характер является одним из невежественных выпадов позитивизма. С момента своего зарождения метафизика была необходима человечеству. Причем это является потребностью не только цивилизаций, сотканных вокруг государства, а всего человечества, даже животных с развитым интеллектом. Ни в прошлом, ни сегодня, ни один человек не может быть полностью вооружен знаниями, наукой, скажем, даже языком позитивистов, научностью. Если подобное и является возможным, то сознания для этого недостаточно. Если у человека отобрать его метафизический мир, он не сможет сделать ничего. Или могут появиться сумасшедшие, не признающие никаких правил (западное общество неоднократно было свидетелем такого рода явлений). Так оно и случилось. Что касается явлений, то они отражают не все данные истины, а только его общепринятые качества.

Квант и космология еще не сказали своего последнего слова. Жизнь еще не проанализирована, её тайна не раскрыта. Именно по этой причине позитивизм заслуживает такого названия, как современное невежество. Грубый материализм ничем от него не отличается. Проблемы жизни и сознания — это те вселенные, которые невозможно изучить при помощи теории отражения, и которые по сей день ежедневно выдвигают перед наукой все новые и новые чудеса. Общественная жизнь имеет еще более смешанный характер, нежели вышеуказанные проблемы. Осознав, что это во многом проистекает из ранних, не обладающих достаточно высоким уровнем форм и не может стать серьезным центром притяжения, в ход пустили два более замаскированных синтеза трех философий. Это буржуазный интернационализм и национализм, которые, на первый взгляд, казалось бы, противостоят друг другу, но в сущности, дополняют друг друга.

3. Буржуазный интернационализм или глобализм. Создатели идеологии в истории цивилизации обращали внимание на два момента — тех, кто находится в верхнем ярусе, и общие символические ценности, являющиеся выражением общих интересов. Во все времена идеологии имели символическое значение. Важно то, чьи интересы они символизируют. Пантеон богов, восседавший на самом верхнем ярусе зиккурата, очень символичен. Эн Эниль, Мардук отражали верхнюю ступень находившейся на подъеме иерархии. Мы не можем знать, насколько осознанно или спонтанно была эта символичность. Но традиция древняя и несет в себе общие особенности. Эта символичность дошла и до наших дней в преобразованном и запутанном виде. Что касается тех, кто находился на самом нижнем ярусе зиккурата, то они символизировали рабство. Между ярусами были прочерчены очень тонкие, но точные линии, чтобы небожители пантеона не имели с низшим ярусом никаких контактов. Слуга должен прислуживать и ни в коем случае не вмешиваться в дела богов. Хочется спросить себя: что потеряло и что обрело человечество этими сказками?

Современный пантеон открыто или тайно, но систематически собирается в Давосе. Но ясно одно: сегодняшние небожители - это копии обитателей верхних ярусов зиккуратов, но голые и с сорванными масками, и время от времени они появляются среди людей (даже если это представители различных разновидностей верхнего яруса). На саммитах профессиональные жрецы современности тщательно разъясняют то, что люди не должны их бояться, ситуация находится под постоянным контролем, имеется достаточная подготовка на случай войны и в

наличии все запасы, и ни в коей мере не стоит задумываться о поражениях, более того, эти установки разрабатываются и делаются полезные всем выводы. Во многих местах «избранные жрецы» невиданными темпами, через каналы СМИ буквально впихивают в сознание и мысли людей эту интернациональную идеологию. При этом далеко позади оставлены университеты, мечеть и церковь. Эпоха коммуникаций — это эпоха глобализма. Потребительские функции и развлечения продолжают оставаться актуальными, как и были в последние периоды всех цивилизаций. Даже когда экология впервые действительно уничтожается, они не хотят видеть даже пыль на созданных ими мирах. Несмотря на то, что общество, города, села, демографическая ситуация постоянно бьют во все колокола, монополисты, как представители интернационалистских идеологий, остаются слепы и глухи к этим бедствиям. Казалось, не осталось ни одного очага общества, внутренне не опустошенного, не доведенного до сумашествия влиянием секса, спорта и искусства.

4. Национализм. Средство, при помощи которого интернационалисты из высшего яруса готовы обеими руками, лишь бы только одурманить умы нижних слоев, национализм, является стратегическим орудием новой религии, называемой «разделяй и властвуй». Это наиболее эффективное идеологическое средство, без которого современный капитализм не может обойтись при устранении таких проблем и недостатков, порожденных такими идеологическими средствами, как позитивизм, лаицизм, грубый материализм и научность. Прежде всего, это единственная влиятельная религия модели национального государства. У каждой эпохи цивилизации есть свойственные ей эффективные верования. Без них они и шага не сделают. Национализм является наиболее результативным шаблоном веры в современную эпоху. Он создан предельно легко, следует просто любой фактор, формирующий нацию, привести в состояние священного элемента веры. Надо добросовестно сделать их аналогами в школах, гарнизонах, мечетях, церквях, семьях и других сферах жизнедеятельности, и тогда, взволновав даже самых бесчувственных людей, можно будет использовать их вплоть до превращения в агрессоров. Тогда уже допустимо считать, что создана самая влиятельная религия. В противоположность устоявшемуся мнению следует отметить, что религии все же были созданы не для такой деятельности, не для утверждения веры и подготовки к переходу в иные миры. Это — политические программы и стратегии. Религии — это средства ежедневного обучения в форме молитв.

Основной задачей социологии является развитие анализа религии именно таким образом, несмотря на предельно глубокую маскировку. В противном случае социологии не избежать превращения в самое последнее крыло псевдонаучности. Что касается религии, то в ней есть много священных факторов, и они очень значимы. Еще одной задачей является освещение этой серьезной темы. Если религия действительно поставлена на грань предательства собственной святости (вполне очевидно, что так и было) и превращена в самое грубое идеологическое орудие, это означает, что религии указано её новое место, только проповедники продолжают играть в лицемерные игры. Вкратце: религия тоже стала тем инструментом, к которому чаще всего прибегает современный национализм. Это "инструмент инструментов". Поскольку в рамках двух последующих тем мы ближе познакомимся с путями формирования и использования религии, и данном случае я ограничиваюсь такой краткой характеристикой.

Крайне тяжело освободить мышление, сознание, следовательно, свободу действий от воздействия идеологических инструментов современного капитализма, не менее эффективных на протяжении столетий, чем экономические монополии. Освобождение тем не менее, — это основная задача современной демократии. Причиной моей столь активной критики в адрес Маркса и марксистов, анархистов, утопистов, различных конфессиональных братств, даже социал-демократической и национально-освободительной борьбы является то, что им не удалось осуществить эффективное идеологическое строительство демократического модернизма. Ясно, что Маркс и его последователи хотели продемонстрировать принципиальную позицию и развернуть сопротивление против нарастающей волны монополистического капитализма. Нельзя забывать о демократических тенденциях всех остальных, перечисленных мной движений. Но, сравнивая все это с современной ситуацией, видим, насколько недостаточно, ошибочно и бездейственно это было. Это заметно на примере того, что, несмотря на постоянные и глубокие кризисы, экологические бедствия, безработицу и бедность, которым способствует современный капитализм, несмотря на свой асоциальный характер, он продолжает спокойно восседать на собственном троне.

Сегодня у фронта демократической цивилизации не может быть более срочной и священной задачи, нежели тщательный анализ собственной истории в целях обнаружения в ней наследия всех прошедших эпох, пополнение знаний и потребностей, дополнение недостающего путем анализа актуальной объективности и успешного исполнения своей идеологической деятельности.

3.4. В память о геноциде евреев

Предание о племени Авраама

Написание мной такой главы может показаться более, чем странным. Но я убежден, что это вполне уместно и необходимо. Мой ИСХОД за границу, арест и связь Холокоста с национализмом, представляющим собой современную религию капитализма, являются мотивацией значимости данной темы, сделавшей ее предметом отдельного обсуждения. Кроме того, недостаточно щепетильный подход интеллектуалов, в частности, отсутствие искренней самокритики по данному вопросу со стороны еврейских идеологов; вполне возможно, они это сделали, но у меня не было возможности увидеть и прочесть, одним словом, все это продиктовало необходимость рассмотрения данного вопроса в качестве одной из части моей Защитной речи. Подробные пояснения по данной теме я надеюсь изложить в своих оценках и рассуждениях, которые я планирую осуществить в виде 4-й и 5-й книг моей Защитной речи, под соответствующими названиями "Демократизация культуры Ближнего и Среднего Востока" и "Построение демократической культуры в Курдистане".

1. Евреи и цивилизация

Любой интеллектуал, интересующийся историей цивилизации, поймет, что не сможет изложить достаточно эффективное суждение о цивилизации, не подчеркнув роли евреев в ее истории. Поскольку в предыдущих частях своей Защитной речи, в силу ограниченности информации по данной теме, я местами схематически коснулся данного вопроса, сейчас должен довольствоваться очень кратким обзором.

Все данные свидетельствуют о том, что человек, которого в истории называют Авраамом, вступил в парадигматические противоречия с историческим правителем современной Урфы (своего рода губернатором), который был из рода вавилонских немвродов. Хотя, вероятно, были и другие причины, но история отражает события именно так. (Кстати, сведения о личности пророка Авраама, являющегося отцом монотеизма, так же, как о личностях пророка Иисуса и пророка Моисея, покрыты паутиной мифических преданий. Более точное изложение истины требует глубоких социологических исследований.). Для того чтобы продемонстрировать, что идолы, воздвигнутые в пантеоне, не могут быть богами, Авраам стал крушить их. Мифы также гласят о том, что позднее, когда в крепости Урфа, хотели его бросить в огонь, водные массы вдруг потушили этот огонь, и таким образом образовалось озеро, коим является современный Балыкли-гол.

С большой долей вероятности можно утверждать, что линия Урфа — Иерусалим играла роль буферной зоны между двумя величественными силами той эпохи, коими были новая династия Египта и вавилонская династия Хаммурапи в Шумере. Впервые в истории торговля становится стремящимся вверх экономическим сектором. Торговля между двумя цивилизациями, возможно, играла определенную роль в политике. Активизировалась деятельность купцов. Выдающийся торговый период в истории Ассирии совпадает с этим этапом. Более того, линия Урфа Иерусалим — Дамаск — Алеппо с древних времен (со времен рождения неолита и начала возникновения городов) не только являлась очень важной линией миграции, торговли, агрессии и аннексии, но, что важнее всего прочего, она оказалась линией религиозного обмена. Неслучайно эти регионы являются местами исхода и миграции пророка Авраама. История неоспоримо свидетельствует о том, что данный регион также стал линией зарождения и первичного распространения христианства и ислама. Авраам прежде всего хотел остаться в предместьях Иерусалима, сегодня расположенного на территориях Израиля и Палестины. (Имя Авраама, предположительно, присвоено ему египтянами. Всех, кто вступал к ним через Синайскую пустыню, египтяне называли «апиру», потому что на одеждах этих людей были следы грязи и пыли. То, что название "иудей" и имя Авраам стали производными от «апиру», является весьма серьезным предположением). Местные власти, однако, не так-то легко дали ему возможность постоянного проживания в Иерусалиме. Тем не менее, известно, что он приобрел мизерную собственность и умер там. Желающие прочитать это предание, начинающееся с рассказов о Саре, Хаджер, Самуиле, Исааке, Якове, продолжающемся рассказами о пророках Моисее, Иисусе, Мухаммеде и сотнях пророков, живших в этом промежутке времени, могут подробно обо всем узнать из Священных Писаний (Ветхий завет, Новый завет и Коран). Поучительными могут быть и исторические книги с тысячами сопутствующих повествований и романов. С точки зрения результата было бы достаточно общего описания нескольких периодов.

А. Первый период: предания об Аврааме в Урфе и во время исхода. Предположительно, 1700-1600 гг. до н. э. Вождь племени и торговец.

Б. Период пленения в Египте. 1600-1300 гг. до н. э. и.

В. Исход под предводительством пророка Моисея. 1300—1250 гг. до н. э.

Г. Оседание на обещанных землях. 1250-1200 гг. до н. э. (Период военачальника и пророка св. Иешуа).

Д. Период вождей и судей. 1200—1000 гг. до н. э. Период светских и религиозных предводителей (оракулов), дошедший до первого царя Саула, но все еще не ставших ни царями, ни пророками.

Е. Период иудейских и израильских царей. 1000-700 гг. до н. э. Период, начатый Саулом, Давидом, Соломоном, и завершившийся при Иезекииле (ассирийская агрессия).

Ж. Оккупация, вторжение, господство, сопротивление и исход и диаспору. 700 г. до н. э. — 70 г. н. э. (Период вторжения и господства ассирийцев, вавилонян, Александра

Македонского и римлян).

Именно на этот период приходится падение Иудейского или Израильского царства. На его место приходят две группы, завоевавшие репутацию мятежников и соглашателей. Соглашатели, в свою очередь, делились, в основном, на сторонников греком и римлян. Третьим после Урфы и Египта изгнанием стало известное сорокалетнее вавилонское изгнание в период правления вавилонского царя Навуходоносора (535-495 гг. до н. э.). Заветы, изложенные в Священном Писании, и, что очевидно, вдохновленные зороастризмом, были переданы именно в этот период. Сформировалась обстановка восхищения персами, потому что был положен конец сорокалетнему изгнанию. Первые рукописные экземпляры Торы были составлены в этот период, то есть после 700 гг. до н. э. Иными словами, на протяжении примерно шести столетий (1300—700 гг. до н. э.) не было ни одной рукописи Священного Писания. Выходит, содержание трех священных книг построено на устных преданиях, письменно зафиксированных с перерывом в шесть столетий. Это — запись повествований, сходных с «Илиадой» Гомера и «Теогонией» Гесиода, что имело место в тот же период. Дважды совершённая римлянами акция разрушения храма Соломона в период 70 до н. э. — 70 г. н. э. способствовала массовому сопротивлению. Христианство — это традиция мятежа наиболее неимущих слоев. Известно и сопротивление представителей высших слоев, например, братьев Маккавеев.

Исход рода или племени в изгнание, то есть диаспора, обрела более активный характер после 70 г. новой эры. Это рассеивать евреев происходило по двум направлениям: одна часть выжила в ассирийской, греческой, армянской культурных сферах, другая же часть нашла свое обиталище в римской и иранской сферах. Этот длительный период также называют периодом Писаний, то есть постоянно составляются новые экземпляры и толкования Торы. Тогда же появляются новые пророки, но писательская деятельность находится на более весомом уровне. Следовательно, можно говорить о том, что высокий интеллектуальный уровень еврейской культуры объясняется очень важной исторической традицией. Другой важной профессией евреев стали деньги и торговля. В связи с отсутствием возможностей развития земледельческой деятельности все свои силы евреи сконцентрировали на торговле и ее эффективном орудии — деньгах. Именно поэтому можно утверждать, что им удалось занять место ассирийцев и перехватить торгово-финансовую монополию Ближнего и Среднего Востока. Эти позиции евреев свидетельствуют о том, что их очень эффективная и прибыльная роль в средневековых городах, а также в таких колыбелях капитализма, как Лондон и Амстердам, и, вместе с тем, обретение ими статуса крупных капиталистов основаны на длительной исторической традиции. Предположительно, евреев оставалось мало в Иерусалиме и его окрестностях, большинство рассеялось в изгнании. В повести о распылении еврейского рода утвердятся две крупные традиции — Восточной и Западной диаспор.

3. Поскольку евреям удалось вместе с диаспорой сконцентрироваться в культурных группах и во многом выйти за рамки племени, более правильно было бы называть евреев «народностью». В частности, на примере Аравии, Ирана, Курдистана, Египта и Древней Греции можно видеть, как евреи, сконцентрировавшиеся в этих регионах, достигли состояния еврейских групп, основных на культуре того или иного региона. Они стали народом двух культур; точнее, речь идет об иудейской культуре и культуре того общества,

в котором они проживают. Такая ситуация оказала очень серьезное и позитивное влияние на их интеллектуальные способности, потому что еврейская культура находилась в контакте со всеми древними культурами истории.

С возникновением ислама начинается новый трагический период в истории евреев. Арабы, приняв ислам, совершают переход к новой торговой цивилизации, но торгово-финансовая монополия, включая многие регионы Аравийской пустыни, во многом находится в руках еврейских торговцев и ростовщиков. Следовательно, приписываемый пророку Мухаммеду хадис о том что «евреи не должны оставаться в Аравии», хоть и выглядит сомнительно, но с точки зрения арабов не лишен смысла. Вражда между арабами и евреями корнями уходит в глубины истории. Даже тот факт, что Хаджер и её сын Измаил были отправлены в Мекку как нежелательная двойня, связан с существовавшими в ту эпоху противоречиями между еврейским и арабским племенами. Постоянные столкновения интересов евреев с арабскими шейхами и торговцами трансформировались в современный арабо-израильский и палестино-израильский конфликты. Существование этого противоречия, уходящего своими корнями и историю глубиной 3500 лет, в наши дни превратилось в конфликт цивилизаций.

Рождение серьезной конкуренции между монополиями региона в принципе было нормальным явлением. В этом ракурсе становится более понятным значение, которое ислам уделял торговле, и взаимоотношения между Хадиджой и пророком Мухаммедом. В итоге евреи должны были или ассимилироваться и пойти на полезное сотрудничество с арабами (преобразоваться), или рассеяться по разным регионам. Имели место обе ситуации. Если значительная часть евреев отделилась и ушла с потоком, устремившимся в сторону Европы еще в период Римской империи, то другая часть, переняв арабскую культуру, продолжала оставаться на местах в наполовину плененном состоянии. Развивая свои исторические роли в средневековой исламской цивилизации (то есть секретарские функции, купечество и ростовщичество), евреи приобрели заметную значимость, в частности, в Иране и Андалузии (Испания). Они получили возможности сотрудничества со многими политическими силами. За ними окончательно закрепился статус народа мыслителей и торговцев-ростовщиков. Именно поэтому они становятся объектом нападков со стороны большей части интеллектуалов и торговцев во всех обществах региона, в котором они обитали. Следовательно, исторически враждебное отношение к евреям имеет очень значительные материальные, культурные и исторические причины.

И. В силу этих причин к началу новой эпохи волна ненависти, угроз и изгнания евреев набрала активные обороты, потому что капитализм — это цивилизация, рождающаяся в материнском лоне торгово-финансового монополизма. Все, кто выиграл и проиграл в этом процессе, тем не менее, в качестве препятствия перед собой указали еврейских мыслителей, торговцев и ростовщиков. Евреи оказались лицом к лицу с опасным парадоксом. Торгово-ростовщические монополии, чьи интересы шли нога в ногу с капиталистическим развитием, считали главным препятствием еврейский элемент. Что касается древних земледельцев и ремесленников, принадлежавших к тем слоям, чьи интересы противоречили интересам капиталистических монополий, то они с легкостью довели евреев до состояния мистической опасности. В связи с зависимостью мыслителей от системы, все, кому не лень, считали еврейство ящиком Пандоры во всех негативных случаях. Под воздействием этих факторов, как это уже происходило в истории в отношении

евреев, XV-XVI вв. стали началом новой волны цивилизации, усугубившей изгнания и погромы (геноцид) евреев.

Интересно то, что интеллектуальная и торгово-ростовщическая сила евреев, будучи самым значительным фактором в строительстве этой новой цивилизации, тем не менее, вызвала наибольший гнев этой же цивилизации. Парадокс заключается в том, что в 1492 году из Испании были в массовом порядке изгнаны не только мусульмане, но и евреи. Как бы то ни было, это — соотечественники тех, кто некогда распял Христа, поэтому повод для изгнания был уже готов и очень действенен. Но основные причины сводились к тем, что уже нами изложены. Аналогичное положение было у евреев в Польше и царской России. В сравнении со всеми этими государствами благополучными странами были, в первую очередь, Голландия и Англия. Все состоятельные еврейские мыслители, ростовщики и торговцы волнами устремились именно в эти страны. Часть евреев направилась в Османскую империю, находившуюся в состоянии войны с европейскими монархиями. В частности, евреи были приглашены османцами для того, чтобы сыграть эффективную роль в торговых и ростовщических монополиях султана. Потихоньку евреи стали мигрировать на американский континент. С каждым днем усиливалось положение евреев в торгово-ростовщических монополиях немецких городов. В этой стране имело место значительное оседание и гибридизация евреев.

Несмотря на то, что некоторые интеллектуалы приписывают развитие капитализма еврейству, это явно преувеличено. Влияние евреев, безусловно, имело место. Определяющий характер роли евреев, конечно же, обусловлен оседлым образом общественной жизни. Но при этом нельзя преуменьшать стимулирующую роль меньшинств. Очень велика роль еврейских банкиров, торговцев и философов как в формировании интеллектуальной обстановки в Голландии и Англии, так и в развитии капитализма и превращения в гегемона системы в указанных странах. Наиболее значительной личностью с точки зрения мышления новой эпохи является Спиноза. Он был одним из первых светских деятелей, вышедших из еврейской среды (под словом «светский» имеется в виду деятельность людей, отошедших или изгнанных из синагоги). Он был одним из великих философов свободы. Многим обязана Спинозе философская доктрина: «Понимание есть свобода». Денежные займы, переданные еврейскими банкирами и торговцами Голландскому и Английскому государствам, имели большое значение в их военных победах и становлении в качестве сильных государств. Евреи сыграли аналогичную роль и на американском континенте, в частности в освободительной борьбе находившихся под властью Великобритании штатов в Северной Америке. В числе важнейших сил, чей вклад в создании современного государства США оказался определяющим, были еврейские интеллектуалы, торговцы и банкиры. Это хорошо известно, и не знать об этом просто невозможно.

2. Еврейская идеология

Должен с самого начала категорически подчеркнуть, что идеологическое лидерство в мировом масштабе и по настоящее время находится в руках еврейских интеллектуалов. И это верховенство имеет глубокие исторические корни:

а) в формировании еврейской культуры изначально видны глубокие следы двух великих культур — шумерской и египетской. Ветхий Завет и Тора являются отражением в языке и совести иудейского племени самого процесса усвоения упомянутых культур. Отражение очень четкое. Еврейская культура представляет собой одну из первых версий этих двух культур. С повествования об Адаме и Еве и до предания о создании мира за семь дней, от понятия «Аллах» и до понятия о пророках все происходило именно так. Не стоит забывать, что легенда о великом потопе и пророке Ное тоже является шумерской легендой. Легенда о многострадальном Иове и дьяволе тем более! Понятие монотеизма впервые хотели применить в качестве крупной религиозной реформы в Древнем Египте времен фараона Эхнатона. В частности, Урфа является важнейшим и древнейшим центром неолитической культуры. Следовательно, еще одним значительным источником идеологического лидерства евреев, который нельзя игнорировать, является преобразованное влияние неолитической идеологии. За спиной этой идеологии стоят две великие культурно-языковые группы, коими стали арийская и семитская. Нельзя забывать о большой роли, сыгранной этими двумя основными источниками в формировании иудейской культуры.

б) очень явно также влияние вавилонской и зороастрийской (персо-мидийской) культуры в период первого изгнания. Многие предания были составлены именно на базе этой культуры.

в) третьим крупным источником является греко-римская культура. В частности, определяющий характер имело влияние греко-римского периода в развитии религиозной философии. Иными словами, фундамент таких процессов, как воздействие философии на религию и обретение философией религиозных особенностей, что происходило в Средневековье с христианством и исламом, были заложены Аристотелем, Платоном и эллинистической школой философии, в первую очередь, стоиками;

г) ясно, что христианство и ислам являются двумя конфессиями иудаизма, приспособленными под потребности греко-римского и арабского общества. Ясно, что они происходят от одного и того же источника. Противоречия, существующие у этих конфессий с иудаизмом, объясняются глубокими родоплеменными особенностями иудаизма. Иудаизм изначально сформировался как национальная религия иудейского племени, а с начала эпохи Средневековья — и еврейской народности (вместе с диаспорой). Точнее, перед нами конкретная тождественное и иудейское племя = иудейская религия = иудейская или еврейская народность. Изначально еврейская идеология имела религиозное содержание, что, в свою очередь, носило родоплеменной или этнический характер. Что касается ислама и христианства, то они были созданы в соответствии с материальными и духовными культурными потребностями близких этнических сообществ, имевших врожденные связи и противоречия с еврейством. Таким образом, имело место и серьезное влияние, и частые стычки;

д) еврейская идеология, вместе с тем, является идеологией, сформировавшейся благодаря глубокой материальной культуре. Как эта материальная культура влияет на цивилизации, мы уже видели. Следовательно, еврейская идеология — это идеология цивилизации, сформировавшейся на арене тесных взаимоотношений всех цивилизаций, рожденных в регионе Ближнего и Среднего Востока, начиная с Шумера. Полезной может оказаться следующая формула: еврейская идеология несет в себе сущность, синтезированную всеми

цивилизациями. Она черпает свои силы именно в этой сути. При этом определяющую роль на протяжении всей истории играли еврейские пророки и переписчики священных книг. Опять же, насколько соответствующие общества по этой причине поддерживали связи с цивилизацией и вступали с ней в противоречия, настолько же они были связаны и конфликтовали с евреями. Еще один вывод, который можно сделать, таков: иудаизм — это не просто религия или этническое сообщество, его можно охарактеризовать как синтез цивилизаций. Если иметь в виду роль, сыгранную иудаизмом в усилении интеллектуальных структур еврейской идеологии, можно будет еще лучше понять, почему и по сей день евреи играют передовую роль в масштабе всего мира;

е) еврейская идеология была раздроблена с началом новой эпохи. Она была разделена на два основных канала с точки зрения религиозного и светского образа жизни. Спиноза (1632—1677) является вождем светского канала. Многие схожие с ним еврейские философы постоянно поддерживали светский канал. Вообще-то, довольно спорным является вопрос о том, насколько лаицизм стоит вне религии и насколько он создает новую религию. Должен сразу же подчеркнуть, что не считаю разумной общественной, идеологической работой эти попытки создания религий и учений вне религии. Необходимая дифференциация должна быть не такой. Просветительская и дидактическая ценность этих попыток не только крайне ограничена, но и таит в себе очень искаженные и извращающие особенности. У каждого вида знаний, будь то мифологическое, религиозное, философское и научное, есть свой социальный эквивалент. Их роль, взаимоотношения и противоречия вместе с их социально-политическими основами могут раскрыться только с помощью социологических исследований;

ж) светское крыло еврейства сыграло очень влиятельную роль в идеологии Просвещения. Эта идеология, которую можно было назвать научностью, в философской плоскости тождественна позитивизму. Данное идеологическое течение, оставившее свой отпечаток на новой эпохе, под маркой научности или позитивизма последовательно превращалось в религиозное верование современного капитализма. Должен особо подчеркнуть то обстоятельство, что позитивизм в принципе является древнейшей религией с мизерной разницей, отделяющей её от классических верований. Иначе можно назвать позитивизм «вывернутым состоянием религиозного одеяния». Между пониманием закона с позиций научности и пониманием закона в религиозном ракурсе пролегал единство мышления. Религия не является неким «эффемерным» понятием, хотя так принято считать, и лаицизм — не секулярное, мирское понятие. В данном случае имеет место искусственное разделение. Все религии связаны с мирским и общественным началом. Вообще, понятие «мирское», прежде всего, связано не мирскими, а с общественными факторами. Концепции, использующие понятия «эффемерное или мирское» маскируют серьезные социальные противоречия, в целом же служат продолжению социального противостояния в завуалированной форме. Идеология Просвещения, систематизируясь в форме научности и позитивизма, превращается в официальную идеологию новой модели нация-государство. Это означает резкий поворот в сторону националистической идеологии.

3. Еврейский национализм

Традиционная прослойка еврейских торговцев и ростовщиков, став буржуазным классом в капиталистической системе, обрела более заметный современный статус. В высшей степени понятно и ясно, что буржуазия, как новый, последний социальный класс, обрела свою официальную идеологию в недрах позитивизма, и то, что государственное мировоззрение породило национализм. Она позиционирует себя как создатель нации, и, благодаря новой идеологии, укрепляет собственное положение. После того, как все факторы, формирующие нацию, обретают общенациональный характер, нетрудно спроецировать их на экономические монополии путем государственной монополии. Монополизация, ускоренно развивающаяся в недрах каждой европейской нации, могла быть внедрена в сознание всей нации только по каналу национализма. В данном случае мы сталкиваемся с неким явлением, схожим с успехом идеологии у шумеров. Нация провозглашается как самая величественная единица (как самое древнее божество, или субстанция, занимающая его место). Государство, сформировавшееся в лоне нации, переходит на рельсы монополии. Оно становится самой мощной силой в обществе. Объединившись, нация и государство превращаются в тандем нация-государство, который становится новой ипостасью старой модели царь-бог. Для того, чтобы внедрить модель нация-государство в сознание общества, необходимо обратиться к мифологии, в капиталистическую эпоху к философии, её наиболее вульгарным формам, которые будут навязаны обществу (принижение до уровня послушного следования его грубым, примитивным чувствам). Национализм прекрасно удовлетворяет эту потребность. Путь европейских обществ, как национальных обществ, после поисков идеологии на протяжении последних четырехсот лет достигает такого официального выражения. Формирование нации становится благоприятной почвой для национализма, в свою очередь, национализм способствует ускорению этногенеза нации, обе служат базой для государства, которое порождает экономические монополии, так определятся типаж нового мира, естественно, в рамках своего переходного периода. На фоне того, как везде происходит потрясающий процесс дифференциации наций и имеет место взрывная волна национализма, еврейская идеология, естественно, испытывает влияние окружающего мира, но и сама оказывает серьезное влияние на происходящее вокруг.

Вполне очевидно, что еврейская идеология изначально объективно была связана с родоплеменными и народными факторами. Фундаментальной особенностью еврейской идеологии является то, что она является идеологией самого древнего национализма, насыщенного факторами родоплеменного характера. Преобразования на стадии становления буржуазии стали залогом легкого формирования идеологии. Опять же наталкиваемся на парадокс. Еврейская идеология стояла у истоков идеологии национализма, но была отвергнута ее же производными. Этот парадокс развился в культурно-идеологической сфере столь же быстро, сколь в материальной сфере. Все виды национализма стали точить зубы на своих же основоположников (неминуемые материальные причины, естественно, неминуемость с точки зрения капиталистического выбора). Все европейские националисты стали возлагать на евреев (как носителей идеологии, материальной культуры и этнической нации) ответственность за все свои проблемы и препятствия. Происходит нечто подобное тому, как христианство и ислам, имея иудейское происхождение, в то же время считают иудаизм самым главным препятствием на пути своего развития. Здесь кроется одна особенность, которая играет серьезную роль в зарождении цивилизации и, вместе с тем, оправдывает мой собственный тезис. Речь идет о том, что государство, являющееся стержнем цивилизации, одновременно является

экономической монополией. Там, где имеют место процессы формирования новой государственности, столкновения и войны между старыми и новыми монополиями попросту неизбежны. И это продолжается до тех пор, пока одна из них не будет уничтожена, не капитулирует, или в значительной степени не утерит своего значения.

Подобно тому, как для еврейского племени 3500 лет назад актуальным был вопрос о «земле обетованной», так и в эпоху становления наций и национализма в Европе аналогичная потребность ощущалась очень сильно. Новая еврейская нация это потребность в новых землях. Поскольку Европа всегда была против евреев, неизбежным становился поток, основанный на старых преданиях о «земле обетованной». Именно так зародился еврейский буржуазный национализм, называемый сионизмом. Он стал эффективным примером эпохи национализма, процветавшей в 19-м веке.

Это положение отныне становится достоянием истории. Хотелось бы вкратце сказать следующее: ощущалась потребность в двух сильных государствах того периода, коими были Германия и Англия. Франция оказалась на третьей позиции. Еврейские националисты упорно работали на двух направлениях. Известно, что им удалось усилить Англию и Голландию. Еврейские капиталисты также усиленно занялись похожим делом и в Германии. Еврейские интеллектуалы также внесли большой вклад в формирование интеллектуального капитала (немецкой идеологии). Благодаря такой поддержке, германский кайзер, впервые достигнув Иерусалима, обозначил свой интерес к движению за обретение новой родины. Если бы немцы победили в первой мировой войне, то под покровительством Германии и Османской империи (самое сильное крыло организации «Иттихат ве Теракки («Единение и прогресс»)» составляли прогермански настроенные политики и были связаны с евреями, капиталистами из Салоники), евреям давно уже удалось бы вернуться в Палестину, или на свои прежние земли. Впрочем, традиционно перетягивала чаша весов Лондона.

Оставим в стороне политическую историю, которая сама по себе является обширной темой. Гитлер однозначно считал евреев ответственными за поражение Германии. Он прекрасно понимал следующее: превосходство Лондона не могло иметь место независимо от еврейской идеологии и еврейского национализма. Он считал, что Германия стала жертвой крупного предательства. Виноваты евреи. Именно так развивается антисемитизм во всех нациях, где есть крупные проблемы (Дрейфус во Франции). То, что это не так, можно доказать, но почему эти идеи по сей день живучи в мировом масштабе? Например, совершенно свежий пример президента Ирана Ахмединежада? Это связано с функциями еврейской идеологии и еврейского национализма во всем мире. Она и по сегодняшний день самая передовая идеология. Точно так же, как и финансовые монополии евреев.

Гитлеризм ни в коем случае не заслуживает никакой защиты и оправдания. Геноцид - это самое ужасное из всех преступлений человечества. Это все неоспоримые человеческие и социальные реалии. Нельзя преуменьшить роли еврейской интеллигенции в благородной борьбе за идеалы свободы, равенства и демократического общества. Не будем пока затрагивать темы иудейских пророков, а заострим внимание на том, что совершенно ясна позиция многочисленных евреев-интеллектуалов и революционеров в новой истории, начиная со Спинозы до Маркса, Фрейда, Розы Люксембург, Троцкого, Адорно, Ханны Арендт и Эйнштейна. Я понимаю, что демократические социалистические масштабы еврейского

интеллекта очень сильны. Не собираюсь повторять суждения Адорно, но хочу спросить, когда будет осуществлена критика и самокритика, необходимая для того, чтобы оценить позицию еврейства во время геноцида (как в сфере материальной культуры, так и в сфере духовной культуры) в конструктивной форме, способной привести к определенным политическим результатам? До тех пор, пока еврейский национализм, как идеологическая сила, играющая лидирующую роль, не будет правильно рассмотрен, невозможно будет ни быть достойными памяти жертв геноцида, ни предотвратить новые факты геноцида. Еврейский национализм не является национализмом маленькой нации, это национализм в мировом масштабе. Это своего рода прародитель всех форм национализма и национал-государств. Как жаль, что самой крупной и крайне редкой в истории жертвой стали именно евреи.

Еврейский вопрос обсуждался очень часто, причем лично такими передовыми евреями-интеллектуалами, как Маркс, Фрейд. Но до сих остается без ответа один вопрос, а именно, как получилось, что случился геноцид евреев? Как сделать так, чтобы нам лучшей памятью о жертвах геноцида стало недопущение других фактов геноцида.

В своей защитной речи я могу так сформулировать все выводы, к которым я пришел, рассматривая пример евреев.

Иудейское племя подражало шумерской и египетской цивилизациям. Но ответом на это стремление стало изгнание евреев. Упрямое маленькое племя (будто бы, стремясь стать авангардом устремлений всех племен), одолеваемое ревностным отношением к происходящему, создало свою родоплеменную идеологию (религию). Иудеи создали Иерусалимское царство. Но созданное ими царство пало. Но они проявили еще большее упрямство, распространились по всему миру. Они искали место обитания для своего племени, позднее народа. Но им нигде не давали пристанища, отовсюду изгоняли. Чтобы не проиграть, евреи устремили свои умы вглубь атома, они дошли до космоса. И уже иудейское племя с территории своего небольшого национального государства играет роль лидера цивилизации. Оно может уничтожить все средневосточные, даже мировые цивилизации и государства, с колыбели которых он о вероятно стояло. Но тогда не останется и самих евреев, потому что маленькая еврейская цивилизация есть суть от сути мировой цивилизации. Не будь мировой цивилизации, не было бы и еврейской, равно как и мировая цивилизация сама немыслима без цивилизации еврейской. Это и является самым большим уроком, который преподнес геноцид евреев.

Я постоянно задумываюсь над этой темой, поскольку придаю ей большое значение, так же, как и все схожим с ней вопросам. Мудрецы говорят, огонь огнем не гасят. Нельзя спастись от огня цивилизации, разжигая костры маленьких цивилизаций (нация-государство, в целом монополии). Лидеры всех племен, беднейших слоев народа, угнетенных и поработанных людей, которые на протяжении всей истории боролись против сил цивилизации, или убиты, или добились успеха. Память о павших будет всегда жива. Но первым делом тех лидеров, которые добились успехов, было стремление создать некую цивилизацию вокруг своих личностей, потому, что они не знали ничего иного. Даже победившие лидеры научного социализма не смогли избежать участи быть примером с железными клетками капиталистического модернизма. Те, кто был подвергнут геноциду, никогда и не

представляли, что их может ожидать подобная участь. Но именно так и случилось.

Здесь я могу сказать, что моя душа болит о жертвах геноцида больше, чем у тех, кто считает себя самыми рьяными противниками геноцида. Почему я понимаю их участь так, как не понимает ни один еврей? Потому что та же система бросила и меня самого в такое же колесо. Естественно, опять же двигателем, вращающим это колесо, оказались евреи. Если бы не было борьбы за власть внутри еврейской идеологии, или силы, способной создать цивилизацию, не было бы христианства. Без христианства мог бы разве появиться Гитлер? Немецкий национализм, породивший Гитлера, обрел свои корни в немецкой идеологии, следовательно, в идеологии Просвещения (позитивизм и биологизм), и он находится в диалектической связи с ролью еврейской идеологии в эпоху Просвещения и еврейским национализмом. Иными словами, подобно тому, как иудейский родоплеменной строй сформировал корни еврейского национализма, так и германский родоплеменной строй сформировал корни немецкого национализма. События, происходившие в Германии в тесном сплетении друг с другом, способствовали формированию запутанных отношений, и причиной этого стали существовавшие между ними экономические и политические монополии. Все эти историко-социальные процессы достаточно откровенно свидетельствуют о связях еврейского и немецкого национализма. До тех пор, пока не будет положен конец двум упомянутым формам национализма, никто не почтит должным образом память жертв геноцида, и никто не сможет избежать прояснения новых разновидностей подобной трагедии.

Аналогичные сравнения можно сделать между арабской идеологией и национализмом и еврейской идеологией и национализмом. Выводы будут иметь диалектический и поразительный характер. Без арабской идеологии и национализма не было бы ислама, а мог бы появиться на исторической сцене пророк Мухаммед без ислама? Без него не было бы БААС. Но разве был бы Саддам Хусейн без БААС? Думаю, меня упрекнут в тавтологии. Но все, что я говорю, проходит сквозь фильтр анализа цивилизации. США это сила мирового масштаба, гегемон, даже может стать империей. Сегодня США на Среднем Востоке воюют ради интересов Израиля. Не исключено, что завтра они будут воевать с Ираном. Отчего же снова возникает угроза геноцида? Но ведь на этот раз будет применено атомное оружие. Предотвращать ядерную войну путем ядерной войны?! Никто не сможет отрицать того, что такая ситуация представляет собой угрозу, стучащуюся в двери. Но ведь хватит одной Хиросимы! Так что мои рассуждения верны. Когда создавались цивилизации, было сказано, что они находятся под покровительством небесных сил. Упадок же цивилизации будет связан с атомом. Почему-то больше предпочитают фальшивое, нежели истинное. Я говорю о королях, голышом шагающих по земле, и божествах без масок, об их атомных молниях.

Я один из тех, кто хочет, чтобы евреи, как очень умные люди играли максимально серьезную роль на Среднем Востоке. Левиафан, достигший масштабов вселенского чудовища, не может стать той самой силой, которая могла бы решить вопросы демократизации культуры Среднего Востока или создания демократического конфедерации Израиль-Палестина. Это чудовище, носящее иудейское имя, и стало настоящей причиной геноцида евреев.

Решение кроется в сути демократической цивилизации Среднего Востока. Подобно тому, как Средний Восток без евреев это попросту руины, так и евреи без Среднего Востока обречены на вечные скитания, дабы не стать жертвами резни. История полна таких уроков. Еврейская интеллигенция с каждым днем все лучше и лучше осознает свою проблему, то есть то, что эта проблема является мировой проблемой. Место решения проблемы надо искать на Среднем Востоке. Не стоит забывать, что Демократический Средний Восток это не мечта, неизбежная реальность, необходимая нам всем как хлеб и вода. Евреи должны знать, что по-настоящему быть верными памяти жертв имевшего место геноцида, и навеки избежать повторения подобных трагедий они могут только в рамках демократической цивилизации Среднего Востока. Все народы Среднего Востока, в свою очередь, прекрасно осознают, что без евреев невозможно достижение идеалов демократического Среднего Востока, а историческое согласие на принципах демократии возможно только в рамках демократического общества, и поэтому народы искренне желают построения такого общества.

3.5. Власть в период современного капитализма

Цивилизация является категорией социальных отношений, в рамках которых тяжелее всего разобраться в таких понятиях, как власть и государство, как с точки зрения сути каждого из понятий, так и в ракурсе тесных связей между ними. Цивилизация это такая тема, вокруг которой все еще продолжают дискуссии о том, какое определение дать ей. Еще более смешанным является вопрос о том, где начинается цивилизация, где заканчивается, когда и где она сформировалась и должна закончить свое существование. Говоря обычным языком, несмотря на то, что о цивилизации мы говорим ежедневно столько же, сколько говорим о воде, которую пьем, о воздухе, которым дышим, она, тем не менее, возглавляет список таких явлений, определение которых вызывает массу разногласий. И это имеет место не только потому, что само понятие очень таинственное и запутанное, а потому, что так хотят представить, и во имя этого осуществляется серьезная идеологическая деятельность. Первое условие для того, чтобы вызвать страх перед чем-либо, это наведение завесы тайны и путаницы. Иначе если раскроется суть того или иного явления, то оно станет предметом шуток у всех на устах. Тогда явление перестанет быть фактором страха. Таким образом, усилия групп, преследующих собственные корыстные интересы, окажутся бесполезными. В народе об этом есть масса преданий.

Цивилизация начинается, прежде всего, с собственных мифических сказаний. Если клики, преследующие свои корыстные цели, или монополии, аннексирующие прибавочный продукт, не войдут в предмет этих преданий, то одним лишь применением силы им не удастся осуществить ничего более, чем несколько грабежей. Они испытывают серьезную потребность в мифах религии и законе для того, чтобы обрести устойчивый характер и быть принятыми окружением. Сегодня три сферы «С», а именно, секс, спорт и синтез искусств, популяризированы, выдвинуты на социальную арену и вместе со всеми указанными факторами, обуславливая сознание и чувства общества, стараются утвердить свои позиции настолько, чтобы их приняли без каких-либо предусловий.

Разделив историю цивилизации на три основных периода, я постарался схематически охарактеризовать каждый из них. Я особенно подчеркнул, что не слишком доверяю методу научности, считаю, что польза от него крайне ограничена, а когда научность превращается в догматизм, вообще становится угрозой свободе. Я также постарался применить метод социологического толкования, не догматизируя его (научностью, позитивизмом). Все свои рассуждения изложены в основных чертах, во многом подкреплены примерами, и выдержат любого рода дискуссии. Что касается повторов, то в дальнейшем, если не будет необходимости в повторах, я всячески буду избегать этой привычки.

Считая современный капитализм (имеет тот же смысл, что цивилизация, культура) официальным, победившим модернизмом (современностью) новой эпохи (с 16-го века н. э. по н.в.), я, тем не менее, не стал отдавать всю нашу эпоху в градацию капитализма, поэтому выступил содержательной критикой его анти-модернистской составляющей. Я согласен с понятием модернизма, которое дал социолог Энтони Гидденс, но вместе с этим я подчеркнул, что не разделяю его рассуждений по поводу «трех невозможностей дальнейшего продолжения». Этими тремя «невозможностями», являются, капитализм, нац-государство и индустриализм. Очень содержательными рассуждениями и примерами я показал, что все трое с самых ранних этапов цивилизации всеми своими корнями находятся в процессе развития, но наиболее сильного состояния достигли тогда, когда слились с современным капитализмом. В данном разделе я больше всего уделю внимание тому, насколько официальный модернизм смог конкретно сформулировать взаимоотношения между цивилизацией и государством (неофициальный модернизм, современность я называю демократическим модернизмом, культурой, цивилизацией или современностью. Все они имеют одинаковый смысл).

1. Позитивные социологи (А. Гидденс и схожие), комментируя без должных примеров каждый период и типы, встречающиеся в единственном числе в истории цивилизации, считают, что занимаются социологией. Например, они не ленятся провести тысячи исследований, лишь бы представить английскую цивилизацию и английскую государственность как нечто, не имеющее исторических аналогов, как некое исключительное государство и цивилизацию. Сколько песка в море, столько же у них исследований! По сути, под маркой этих трудов, называемых наукой, в изоэренной форме искажается действительность. Если прибегнуть к сравнениям, можно сказать, что это есть попытки сделать лес невидимым из-за деревьев! Даже сделав предметом исследований миллионы деревьев, нельзя охарактеризовать вес лес. То, что такой метод не даст правильных результатов, ясно изначально. Но под видом занятия такого типа социальной наукой подстрекать десятки тысяч молодых людей к игнорированию истинного характера эпохи это, в общем-то, «неплохая» политика. Именно так выхолащивается и делается бессмысленной суть социальных наук, или социологии, в общем смысле.

Правдиво то, что английское государство, власть и цивилизация, является одним из представителей-гегемонов цивилизации, которая в качестве основного потока продолжается и по сей день, обогащаясь сотнями символических ценностей, прикрывается различными идеологическими одеяниями для того, чтобы стать невидимой, или сделаться труднопонимаемой, и в этом потоке консолидируется процесс, основные категориальные признаки которого известны на протяжении последних пяти тысячелетий (государство, как классово-городская экономическая монополия), а вокруг городов, оживленно развивающихся с 10-го века формируются классы, представленные теми, кто ранее был монархами и аристократами, а с 16-го столетия уже стал буржуа. Уверен, что это определение, состоящее из одного предложения позволит понять клубок взаимоотношений английской государственности гораздо лучше, чем десятки тысяч исследований. По сути, нет никакой разницы между десятками тысяч толкований общества, которые (с позиций скрываемых ими корыстолюбивых групп) давали шумерские жрецы, основываясь на движениях звезд, и теми толкованиями, которые исходят от десятков тысяч «научных жрецов» эпохи современного капитализма. Разными являются только методы исследования,

время и место.

Совершенно очевидно, и мы особо подчеркнули то, что разница во времени и месте есть ничто иное, как изменение и развитие, называемое в масштабе вселенной формированием. Общества тоже меняются и развиваются в связи с разницей во времени и месте. Правда, порой возможны процессы, противоположные эволюции. Вовсе не критикую самобытное состояние, поскольку во вселенной нет развития и изменения, которые не обладали бы самобытными качествами. Любое изменение по своему смыслу есть самобытность. Точное повторение свойственно только догматичной вере. Слова типа «точное повторение» это игра слов, не имеющая смысла ни в одном из природных явлений.

В этом смысле, конечно же, и капиталистический модернизм обладает очень серьезными особенностями. Эти особенности, по определению Энтони Гидденса, развивались в трех важных сферах. В этом отношении было бы очень полезно охарактеризовать их как «непостоянство». Не буду повторяться, поскольку мы уже дали характеристику этой особенности капитализма во всех его особенностях. Но считаю, что в отношении понятия власти и нации-государства, как ее наиболее конкретного правового воплощения, следует сказать коротко, но очень содержательно, что было очень поучительно.

2. Мы говорили о том, что власть является одним из важнейших вопросов, о которых много твердят социальные науки, но в то же время как бы соревнуются в искажении сути этого понятия. Мои высказывания это не просто критика, вызванная сравнением. В числе важнейших особенностей капиталистического модернизма идет такая особенность, которая выражается в стремлении каждой личности считать себя причастным к власти, и таковой она становится, благодаря власти, которая способна сделать то, чего не может сделать ни одна цивилизация. Это и есть тот вопрос, над которым больше всего стоит задумываться. Это и есть та тема, которая больше других занимала сознание французского социолога М. Фуко, так и не справившегося с ней в полном объеме. Ленин пытался дать определение государства в своем труде «Государство и революция». Но, как выяснилось позднее, именно вопрос о государстве и стал той самой точкой, в которой Ленин допустил больше всего ошибок. Что касается определения власти, то он вообще не стал давать никаких определений. Он не смог понять того, что сильный и коварный человек, надевая на себя маски различных цивилизаций, используя по сегодняшний день, доставленный им «Камень очарования», он полностью угробил при помощи понятия «социалистическая власть» такую социальную деятельность, как социализм, который нужно было полностью строить при помощи демократического модернизма.

Считаю заслуживающим внимания следующее высказывание М. Бакунина по данному вопросу: «Наденьте корону на голову самого демократичного человека, и за двадцать четыре часа он превратится в самого подлого диктатора», или «испортится его нравственность». Создание социологии власти и по сей день остается фундаментальной научной задачей, требующей решения. До сих пор общественной загадкой остается вопрос о том, что такое власть, но не менее актуальным является вопрос о том, насколько вообще необходима власть. Согласно мышлению некоторых кругов и прячущихся в их недрах групп, преследующих свои интересы, абсолютная власть есть абсолютное решение. Видимо, таким был взгляд ассирийцев: твоя цель - убить всех. Есть люди, которые считают власть

болезнью. В частности, это касается анархистов и пацифистов. По их мнению, надо бежать от власти, как черт от ладана. По сути же, этот взгляд и есть объективная форма капитуляции перед властью.

Определение и решение, которое предлагает демократическая цивилизация, качественно отличаются от других. Право любой общественной группы на защиту является священным. Умение выстроить защиту перед любой агрессией против существования общественной группы и ценностей, связанных с ее жизнедеятельностью, является причиной существования, которая представляет собой нечто большее, нежели просто ничем не заменимое право. Я уверен, что силу самообороны нельзя считать властью в классическом её понимании. Правильнее было бы называть это демократическими силами или властью самообороны. Обращая внимание на то, что даже роза в состоянии при помощи своих шипов защитить себя, хочу назвать парадигму этой демократической власти «теорией розы».

А. Наиболее правильным определением власти в рамках цивилизации было бы пояснение о ее стремлении к захвату прибавочного продукта, его увеличению и присвоению, ради чего осуществляется любого рода социальная деятельность. Если в широком диапазоне от идеологической деятельности до военной, от попыток лишения трезвого рассудка до геноцида, от развлекательных игр до религиозных ритуалов прилагаются все усилия к тому, чтобы присвоить прибавочный продукт общества и его ценности, в конечном итоге эту деятельность можно назвать деятельностью в русле властных устремлений. Власть — это в определенном смысле сфера очень масштабной общественной деятельности. В частности, в цивилизованных обществах власть проявляет тенденции к постоянному углублению и расширению пропорционально прибавочному продукту.

Если внести ясность в понятия прибавочный продукт и прибавочная стоимость, то яснее станет сущность власти. Анализируя практику присвоения путем применения силы всех плодом материальной и духовной культуры личности и групп, их завоеваний и культурных ценностей, как единое целое, а также изучая процесс структуризации и превращения этой практики в «искусство власти», увидим, насколько конкретный характер обретают такие понятия, как присвоение и захватчик. Речь идет о практике и искусстве власти, которая путем применения силы постоянно присваивает себе определенные ценности, считает их своими собственными, ассимилирует, превращает в свою собственность, внушает идею родины, в противном случае, опять же, путем применения силы, отбрасывает эти ценности, заставляет людей прозябать в изгнании, лишает их родины, работы, собственности, в целом, с моральной и материальной точек зрения обесценивает все вокруг. Ограничение этих явлений рамками таких экономических ценностей, как прибавочный продукт и прибавочная стоимость, было бы проявлением узкого подхода. Очень благородно было бы объективное рассмотрение данного вопроса. Однако на этом пути происходит захват многих тысяч других ценностей со стороны сил власти, и всё это в комплексе справедливо было бы называть властью.

Основной функцией демократической власти является защита жизнедеятельности определенных лиц и групп, материальных и духовных ценностей, прямо или косвенно связанных с этой жизнедеятельностью, при этом нельзя закрывать глаза на аннексию этих ценностей, если же они уже захвачены, то следует сделать все, чтобы вернуть их обратно,

при этом данные попытки будут считаться во всех смыслах позитивными, нужными, верными, незаменимыми. На основе этого содержания демократическая власть есть искусство перехода к практическим действиям. Гораздо правильнее было бы назвать ее силой предотвращения аннексии в её сущности и искусством практического применения этой силы. Между такими факторами или искусствами (армия-война), как применение силы во имя захвата чьей-либо родной земли и предотвращением этих попыток захвата есть онтологическая (субстанциональная) разница. Это два противоречащих друг другу понятия. Антагонистичность этих позиций в обществе находит свое отражение во многих концептуальных дилеммах типа добро-зло, грех-раскаяние, правильное-неправильное, имеющий права — бесправный, прекрасно-уродливо и многих других.

Б. Власть можно разделить, классифицировать, исходя из множества точек зрения:

1. Политическая власть. Это наиболее часто применяемая форма власти. Она является отражением административной и исполнительной деятельности государства и тех сил, которые буквально идут по стопам (например, когда партия и гражданское общество берут за основу государственное управление). Это та форма власти которая имеет очень большую определяющую силу, и на протяжении всей истории она используется больше и чаще остальных.

2. Экономическая власть. Выражает интересы монополистических сил, стремящихся присвоить прибавочный продукт и прибавочную стоимость. На протяжении истории применялись многие формы этой власти.

3. Общественная власть. Отражает силовые действия, традиции, применяемые по отношению друг к другу всеми основными слоями общества. Эта власть делится на многие значительные категории семейного, классового, полового, этнического характера. Некоторые из них надо рассматривать отдельно. Такую власть в семье представляет отец, в классовых взаимоотношениях та сила, которая присваивает себе прибавочную стоимость, во взаимоотношениях между полами мужчина, в этнической среде эта власть представлена в лице господствующей верхушки этноса, которая подавляет и угнетает всех остальных.

4. Идеологическая власть. Аналогично по смыслу с руководящим мышлением. Развитые личности и группы в сфере науки и культуры находятся в положении идеологической власти.

5. Военная власть. Эта та структура, которая по своей сути тождественна с властью. Это наиболее крайняя, антиобщественная и нечеловеческая форма власти. Это мать (точнее, отец) всех форм власти.

6. Национальная власть. Является выражением центральной власти, применяемой в масштабах нации. Стремится представлять себя единой и неделимой. Эту форму власти можно назвать национальным господством.

7. Всемирная власть. Является выражением гегемонии господствующей цивилизации и модернизма, или имперского статуса. В настоящее время капиталистический модернизм реализует эту форму власти вместе с транснациональными экономическими монополиями и

нациями-государствами под предводительством США. Такого рода разделения можно продолжить.

3. Власть является комплексом общественно-исторических структурных отношений. Исторически она устанавливается над самыми жизненно важными точками и сферами общественного развития, и власти предержащие всячески стараются придать ей характер традиции. Традиционность можно также считать структурностью. Власть - та сфера общественных отношений, которая имеет наиболее структурный характер, ее повсеместно стараются удержать и усилить, даже протоколируется процесс ее реализации. Поскольку соответствующие люди сделали институт власти очень дееспособным, протоколирование процессов структуризации и формирования власти имеет жизненно важное значение с точки зрения ее постоянства и представительских функций. Например, создание, переход и передача султанской власти, ее захват сопровождался символическими мероприятиями величественного типа и обязательными протоколами. Все виды жизнедеятельности монархии, будь то одежда, еда, вступление в брак, вплоть до самой смерти, все взаимоотношения имели свои формы, установленные тысячелетиями. Поэтому не каждый может установить свою власть, используя одну лишь силу. Его могут назвать разбойником или деспотом. Да вообще-то, истинной формой реакционной власти является разбой и деспотизм. Но возвышенная, возведенная в ореол святости структура власти, дабы не услышать вслед «Маска упала, открылась плешь», вынуждена яростно выступать против этих открытых форм власти, чем и обеспечивает постоянство и уважительный статус своей структуры. Она осознает, что ее законный статус в значительной степени обеспечивается именно этими традициями и символами.

Хотел бы напомнить еще одну аналогию, проведенную мной в предыдущей защитной речи. Власть можно сравнить со снежным комом, падающим с горной вершины и разрастающимся до страшных размеров, а ком этот есть ничто иное как клубок монополий, которые в рамках цивилизованного общества сплотили вокруг себя людей, преследующих сугубо корыстные интересы и обрели исторический характер. Именно таково ее течение в общем русле исторического потока.

4. Суть власти можно понять гораздо лучше, если сравнить ее с инфекционной болезнью. Иными словами, власть заразительна. Изначально эта социальная болезнь, самовольно распространенная сильным и коварным мужчиной, прежде всего, путем отстрела дичи на охоте, затем путем установления власти над матерью - женщиной, имевшей достаток и обилие, обрела свой структурный характер в тройственном союзе, представленном жрецом на патриархальном уровне (человеком, обладавшим недюжинным умом), вождем (человеком, имевшим опыт управления обществом), и военачальником (человеком, имевшим монополию на военную мощь. В процессе формирования классов и развития городов власть и обрела уже государственный характер. Но сразу же хочу сказать следующее: не стоит думать, что с созданием государственной власти исчезла иерархическая патриархальная система сильных и коварных мужчин.

Тем самым, можно вывести следующую формулу власти: Власть - это сильный и коварный мужчина + иерархическая патриархальная система + государство. Эти три основные структуры представляют авторитарное общество. Эту систему с ее многочисленными

базисными и надстроечными структурами как общую категорию мы называем цивилизацией. На нижнем ярусе функционирует экономика, на верхнем ярусе заседает пантеон богов. Именно так строили цивилизацию шумеры. Форма изменилась, но суть осталась, более того, постоянно развивалась. На нижнем ярусе, на протяжении истории располагались рабы, крепостные крестьяне и батраки, то есть те, кого использовали в качестве материала для создания прибавочного продукта. Ремесленники, крестьяне и представители других профессий, считавших себя свободными людьми, тоже располагались на этом ярусе в качестве исполнителей. На верхнем ярусе восседали мифические и одиночные божества (порой султаны, как их тени или пророки, шаманы и жрецы, считавшиеся их посланниками), правящая мысль и законы (идея Платона).

Если в древнем мире и в средневековье власть чаще всего реализовывалась в форме этих фундаментальных структур и государства, в эпоху современного капитализма болезнью власти заражено уже все общество. Иными словами, общество заражено болезнью, которая побуждает считать себя властями предрержащими. Распространение власти посредством очень важных структур, которые Энтони Гидденс назвал «непостоянствами», хоть и принимает характер болезни, но оно в основном свойственно капиталистическому модернизму. В этом смысле некоторые идеологии и структуры играют определяющую роль. Эти обстоятельства я рассмотрю в последующих разделах.

Несомненно, распространение заразы власти во всем обществе свидетельствует не только о ее чрезвычайном усилении. Вместе с тем, это является свидетельством безысходности, истощении, приближении к последней стадии процесса разложения власти. Когда любая вещь достигает своего крайнего предела, обнаруживаются два выхода: или заинтересованные круги сделают на этой самой последней стадии все, что необходимо, или же, в случае если ничего не делается, то этот предмет или явление распадается и разлагается. Например, если яблоко становится спелым, румяным, то его надо сорвать с ветки. Если этого не сделать, то через определенное время прямо на ветке оно начнет гнить, в нем появятся черви, и оно попросту погибнет. Сравнение всегда хромает, но этот принцип действителен и для различных форм власти. Впрочем, власть, построенная на базе современного капитализма, уже находится на стадии загнивания. Она уже дурно пахнет. Как говорил Бакунин, власть прогнила настолько, что способна заразить даже самого здорового и морально устойчивого человека, соприкоснувшегося с ней.

Это суждение в действительности звучит так:

“ «Власть способна в течение двадцати четырех часов сделать диктатором любого, самого демократичного человека, стоит только надеть ему на голову корону власти».

Верно. Наденьте корону власти, находящейся на стадии загнивания, на голову самой угнетенной женщины, и она в двадцать четыре часа превратится в диктатора. Единственный путь предотвращения этой болезни, проходит через строительство демократического модернизма как системы.

3.6. Современный капитализм и национальное государство

Концепция национального государства не только покрыта тьмой, но и является одной из наиболее искаженных концепций. Раскрытие реальных функций модели национального государства, ее основной роли настойчиво избегается. Можно сказать о том, что при рассмотрении данной темы больше всего преследуется пропагандистская цель. Особая роль уделяется маскировке онтологических связей этой модели с фашизмом и национализмом — точно так же, как игнорируется связь фашизма и национализма с официальными идеологическими течениями современности. Эта позиция свойственна не только буржуазным либералам. Социалисты, например, в вопросах, касающихся модели национального государства или выглядят ее защитниками или совершенно игнорируют эту тему, считая ее крайне незначительной, и ограничиваются при этом простейшими фразами и словами. Но, в сущности, национальное государство является одним из ключевых понятий, способных выразить и изменить нашу эпоху. Даже считая точку зрения Энтони Гидденса недостаточной, в данном вопросе я считаю его позицию просветительской с точки зрения того, насколько точно он понял значение модели национального государства.

Все вопросы, которые я рассматривал до сих пор, можно считать подготовкой к рассмотрению модели национального государства. Без раскрытия, хотя бы на схематическом уровне концепций современности, власти, нации и государства, являющихся признаками зарождения капитализма, невозможно полностью раскрыть роль, играемую моделью национального государства. Тесно связано с данной темой и то, что я попытался в виде конкретных пунктов схематически изложить еврейский вопрос. Подобно тому, как анализ проблемы национального государства является ключевым в решении современных социальных проблем, так и социально-историческая оценка еврейского вопроса, хотя бы на уровне определений, но в привязке к цивилизациям, может быть очень полезной и поучительной в решении проблемы национального государства. Попытки осмысления геноцида евреев вне решения еврейского вопроса и анализа модели национального государства не только недостаточны, но и таят в себе массу ошибок. Современная трагедия Ближнего Среднего Востока с лихвой подтверждает все поставленные рассуждения.

1. Национальное государство — это форма реализации монополистического капитализма. Еще в XVI столетии в Голландии и Англии появилась форма государственности, своего рода, прототип модели национального государства, необходимый для подавления имперских амбиций Испании и Франции. Нидерландское княжество и английская монархия старались

добиться превосходства на пути к модели национального государства. Когда в 1649 г., с подписанием Вестфальского соглашения, в межгосударственных отношениях стал преобладать национальный фактор, все процессы в направлении формирования данной модели национального государства ускорились. Меркантилизм, который все государства стали брать за основу своей политико-экономической деятельности, стал фактором усиления и ускорения актуализации национального рынка. Теперь уже в жизни и деятельности государства все больше и больше места стали занимать сферы государственного языка, искусства, истории. Различные противоречия и войны между народами не могли происходить без таких факторов, как националистическая власть национального государства. Главенствующую роль среди подобных войн играют войны Наполеона. Их не было бы без достижения Францией стадии национального государства. Немецкие идеологи, пристально отслеживавшие данный процесс, именно в образе Наполеона нашли все ключи, необходимые им для создания немецкой националистической идеологии и немецкой модели национального государства. Немецкий национализм, получивший резкое ускорение, сначала сыграл роль движущей силы в объединении Германии и обретении той формы государственности, которую искал современность. Процесс, позднее породивший Гитлера, сделал свои первые шаги в начале XIX века.

Собственно говоря, этот вопрос намного глубже. Он связан с основами современного капитализма (цивилизации). Это движение, таящее в себе победный марш экономического монополизма, искажил суть не только национального развития, он должен был поставить на националистические рельсы во факторы, делающие нацию нацией. Без формирования религии как силы, способствующей единству нации, довольно тяжело было установление экономическими монополиями господства на рынке. Становление культуры и искусства на национальном платформе также связано с аналогичной монополистической ситуацией. Войны с позиций национальных интересов стали последним и наиболее значительным фактором этого процесса. Формирование всех этих признаков на национальной почве порождает национальный дух, что завершается национализмом. Различные труды идеологов на тему нации и государства давно уже подготовили все необходимые интеллектуальные основы. Ясно, что совокупностью вышеназванных факторов являются национальный рынок и монополистический капитализм, ведущим грандиозную войну за этот рынок и последовательно идущий к собственной гибели.

2. Промышленный переворот ускорил все эти процессы. Индустриализация, пришедшая после масштабной торговли, но постепенно производившая гораздо больше прибавочного продукта, благодаря этому своему качеству стала фундаментальным вопросом национального становления. Национальная промышленность — это максимальная прибыль для всех капиталистов в масштабе всей нации. Показателен в этом смысле XIX век. Индустриализм идеологически очень тесно связан с национальным фактором. Невозможно представить в отрыве от индустриализации процесс превращения национализма в крупнейшую идеологию и политическую практику XIX столетия. Торговая буржуазия в плане объема не в состоянии удовлетворить потребности нации. Меркантилизм далеко не соответствует уровню экономической монополии, способной самостоятельно развивать нацию. Буржуазия, значительно расширившая свои ряды, теперь уже, благодаря промышленным монополиям, начинает сохранять за собой право говорить от имени всей нации. Она заново пишет собственную историю, конкретизирует свои философские

тенденции, вписывает национальную культуру в анналы истории. Она оставляет свой отпечаток на национальной армии и национальном образовании. Победа стремления капитализма в лице национальной промышленной буржуазии установить господство над всей нацией обретает все более устойчивый характер.

Такое понятие, как «буржуазная революция», получают смысл только в том случае, если она включает в себя все эти процессы. Что касается единичных случаев английской, французской и аналогичных буржуазных революций, то они, вопреки установившемуся мнению, не являются запланированными буржуазными революциями. Во всех случаях буржуазия отличилась лишь тем, что умело использовала в своих целях все эти революционные процессы. Ошибочно также считать промышленный переворот победой класса буржуазии — этот переворот стал итогом глубоких исторических процессов.

Речь идет о том, что эгоистичная буржуазия, склонная к монополизации, экспроприировала эту сферу так же, как и другие, постоянно выдвигая вперед себя и собственные интересы. Подобно тому, как экономика не предполагает наличие класса буржуазии, промышленность является той самой сферой экономики, которая изначально не нуждается в промышленной буржуазии. Торговые монополии преуспели только в том, что установили контроль над этой сферой экономики, исторически более прибыльной, нежели торговля. Ни один настоящий представитель революции не является буржуем. Буржуа не присутствовали ни в теории, ни в практике индустриальной революции. Одним из наиболее значительных этапов развития стал промышленный переворот, сделанный экономикой в ритме общественно-исторического прогресса — точно так же, как в земледельческой революции эпохи неолита. Экономическое производство, развивающееся на всех этапах истории, превратило государство, являющееся по своей сути экономической монополией, и его рьяных сторонников в новые монополии, ставшие наиболее амбициозными по отношению к новым рентабельным сферам, жестокими, способным и при необходимости даже применим, силу. Модель национального государства более всего находит свою материальную основу именно в этих монополиях, а если и не находит, то создает ее.

3. Середина XIX столетия является одним их поворотных периодов истории. Должна была победить или модель национального государства как центр буржуазии, или же демократически конфедеративное движение всех слоев общества, оставшихся за бортом новой монополии и аристократии. Несмотря на отсутствие явных различий между движущими силами английских революций 1640 и 1688 гг. и Французской революции 1789 г., эти две тенденции сыграли в них основную роль. Коммунары Французской революции и т. н. «левеллеры», то есть «уравнители» английской революции, стали представителями демократических тенденций, которые позднее будут ликвидированы. Революция 1848 года в полном смысле слова была народной революцией. Труды К. Маркса и Ф. Энгельса «Коммунистическая лига» и «Манифест Коммунистической партии», написанные до 1848 года, были вполне уместными историческими шагами. Первым стратегическим ударом для революций стало поражение вследствие предательства буржуазии и соглашения революционеров с различного рода консервативными силами. «Весна народов» продолжалась недолго и вновь наступила тягостная зима. Революционность буржуазии была связана с ее мгновенными интересами. Так, если бы буржуазии удалось достичь успеха, она смогла бы изначально превратить политическую власть в экономическую

монополию. Однако она предпочла сохранить то, что имеет, и добиться ограниченных успехов, нежели идти на риск потери всего. Не смогли найти реализации своих надежд и сторонники старых монархий и аристократий. В этот период еще более усиливается модель национального государства, представляющая собой некий баланс сил. Последующее развитие событий определит уже союз нации и государства, являющийся центром экономических и политических монополий. 1861 г. и 1871 г. стали датами объявления соответственно итальянской и немецкой моделей национального государства. Следом за ними произошло официальное утверждение других моделей национального государства.

Поняв, что новая революционная волна развивается не так, как они надеялись, Маркс переехал в Лондон, где углубился в анализ капитала. Деятельность в рамках Интернационала сводилась к работе кружков. Немецкие коммунисты, в том числе Маркс и Энгельс, основываясь на центральной модели национального государства, объективно приняли поражение. Их теории кризисов, а также программа, составленная в соответствии с распадом капитализма, организационная деятельность, стратегические и тактические уроки постепенно превращались в соглашательство с капитализмом против общества, и в тех же самых современных им шаблонах (индустриализм и узаконение модели национального государства), оказались ничем иным, как движением за получение своей доли от монополии, называемой экономизмом. Экономизм равнозначен принятию экономических программ промышленных монополий и программы национального государства. Социалистическая революция в России, как и предшествующие, тоже стала инструментом реализации программы «монополистический государственный капитализм + программа многонационального государства». Впрочем, и китайская революция после долгих стычек не избежала той же участи, пойдя схожим курсом на соглашение типа «китайское национальное государство + китайский монополистический капитализм + всемирная монополия».

Категории, называемые нами «национально-освободительными революциями», это, скорее, революционные движения, обусловленными современным мышлением и определившие индустриализацию и создание модели национального государства в качестве своей программы-максимум. Несмотря на то, что среди них можно часто встретить примеры социализма, общая программа известна. Основная причина неудач движения, осуществляемого под маркой полуторавекового научного социализма, заключается в его неумении преодолеть современное просветительство и продемонстрировать силу, способную в теоретическом, программном, стратегическом и тактическом отношениях сформировать и развить современную демократию. Точнее, причина заключается в отсутствии такого желания. Все данные свидетельствуют о том, что национально-освободительное движение имеет мелкобуржуазный характер, узкий спектр целей, страдает эйфорией от побед и очень легко отдается в руки системе.

Анархисты выступили с протестом против этого процесса. Но, в частности, серьезная критика, выдвинутая Бакуниным, Прудоном и Кропоткиным, и их программные предложения стали политическими альтернативами в силу отсутствия самоорганизации, идеологической узости и поверхностных знаний об обществе. Их участие в историческом процессе не увенчалось желаемым успехом, однако основная слабость обоих течений заключалась в усвоении просветительской философии в том виде, как она есть, и догматической

привязанности в позитивистской научности. Неудача больше была обусловлена идеологическими причинами.

Говоря о том, что до середины XIX столетия среди сельских и городских трудящихся Европе была очень сильна тенденция к демократической конфедерации, но капитуляция социалистов перед мировоззрением централизованного национального государства привела к полной потере этого шанса. Мюррей Букчин, вероятно, поставил более точный диагноз всему происходящему в социальной сфере.

4. Великий философ Ницше (которого уместно было бы называть наиболее сильным оппозиционным пророком капиталистической эпохи) одним из первых распознал серьезную опасность, в объявлении в 1870 году немецкой модели государственности в форме национального государства. В то время, как вся интеллигенция, включая социал-демократов, приветствовали этот факт, он видел в нем серьезную утрату для человечества. Если не ошибаюсь, суть его комментариев такова: «Обожествляемое государство, трудящиеся, превращающиеся в муравьев, выхолащиваемое общество, превращаемое в продажную женщину».

Еще более впечатляющей является критика гражданства, высказанная Прудоном. Такое впечатление, что он очень давно распознал сущность личности нашего времени. Макс Вебер называет общество, находящееся под воздействием современных тенденций, «обществом, заключенным в железную клетку». Еще более ужасающие определения даны в мире романов. Число таких комментариев растет по мере того, как общество отдается на растерзание национальному государству. Но все эти критические высказывания и предсказания далеки от конкретного анализа общества и его программы свободы. С XVI века до конца XX века народные массы и интеллигенция продемонстрировали невиданную за всю историю человеческого общества борьбу. У них было много временных успехов. Но то, что до сих пор в эпоху финансовых монополий во всей своей мощи существует всемирная гегемония капитализма, показывает серьезную несостоятельность школы современной демократии в плане анализа, ее неспособность к избавлению от ошибок и недостатков, касающихся программы, стратегии, организации и практики.

5. Незаменимой и не терпящей отлагательства функцией каждого периода цивилизации является равнозначный анализ трех основных элементов современности и содействия их развитию с помощью интеллектуального, просветительского и различного рода общественных движений. В связи с тем, что критика капитализма, пусть и чрезвычайно мало, неверно, но все же дана, крайне необходимо направить острие стрелы на модель национального государства, завершить этот процесс критикой индустриализма, что сохраняет свою значимость для борьбы за демократию, свободу и равенство в третью эпоху развития капитализма, называемую «эпохой финансового монополизма». Мы выполняем свою часть.

Теперь уже нетрудно говорить о том, что именно любого рода проявления национализма играют цементирующую роль как в формировании национального государства, так и в продолжении его жизнедеятельности. В этом смысле я хотел бы обратить ваше внимание на то, что национализм является идеологическим элементом, и играющим специфическую роль.

Гораздо правильнее было бы назвать его позитивистско-светской идеологией, обретающей религиозный характер. Несмотря на то, что позитивистские и светские проявления на стадии зарождения системы стоят очень далеко от современного демократического мировоззрения, им удалось сыграть положительную роль в преодолении засилья традиционного догматизма. Они внесли свою лепту в научное толкование. Но система, начиная с середины XIX века, с одной стороны, сохранила свои политические и экономические завоевания, с другой стороны, по причине продолжения угрозы демократической активности, как это встречается в любой цивилизации, сделала идеологический поворот в сторону религии. Эту потребность с лихвой удовлетворял национализм.

После такого рода вступительных заявлений, касающихся национального государства, было бы очень полезно и поучительно попробовать изложить более конкретные и подробные рассуждения, основываясь на значении данного вопроса.

А. Если дать более содержательное определение, то получится, что национальное государство — это, можно сказать, союз, зародившийся в рамках правового поля между механизмами власти и личностями, называемыми гражданами, и распространивший свое влияние на все общество. Определяющим понятием и данном случае является понятие власти, распространившей свое влияние на все общество. Узаконение власти всех предшествующих государств ограничивалась собственными структурами и кадрами; в национальном государстве эта граница стирается. Огосударствление личностей, выдвигаемых гражданами государства или обреченных на формирование в соответствии с идеологическими, структурными и экономическими интересами государства, причем стремящихся к государственности так, как будто бы являются представителями государственного механизма со всеми правами и обязанностями, — вот в чем заключается сущность национального государства. Формирование гражданина стоит в числе первых среди тех вопросов, которым национальное государство придает особое значение. Для этого оно старается воспользоваться такими многочисленными элементами, как идеология, политика, экономика, право культура, пол, армия, религия, образование, средства массовом информации.

1. Наиболее эффективным идеологическим орудием является национализм. Это своего рода новая религия. Национализм наделяет национальное государство священным образом, подобным «земному воплощению бога». Необходимостью этой новой религии является привязанность к государству до самой смерти, освоение его как наивысшей ценности.

2. Притягательность и сила влияния политической власти активно используются для того, чтобы сделать личность гражданином. Политические партии, в частности, играют свои роли именно с этой целью. Наиболее коротким путем к безопасности и доверию личность начинает считать формулу «мое государство».

3. В связи с тем, что такая ипостась государства, как экономическая монополия, в русле промышленного переворота обретает более распространенный характер, а политическая монополия получает серьезное развитие, чуть ли не половина общества втягивается в государственную машину в качестве рабочих и служащих. Подобная ситуация сама по себе

вовлекает больше половины общества в состязание за право быть членом национального государства, то есть быть его гражданином. Крайне тяжело отделить так называемые частные монополии от монополий, принадлежащих национальному государству. Между ними существует очень тесная партнерская связь. Очень трудно провести границу между тем, где начинается и где заканчивается государственная монополия, и местом частной монополии. В обмен на то, что частные монополии отдают государству больше половины своей прибыли, государство наделяет их своего рода современными привилегиями в виде безграничных облегчений деятельности. Тем самым деятельность частных монополий по вовлечению личности в процесс становления гражданином государства порой осуществляется в более реакционной форме, нежели самим государством, потому что заметно облегчается обучение личности в любых угодных государству ракурсах и делается это под предлогом лишения работы. Именно с этими процессами связано то, что синдикаты в последнее время стали более консервативными и рьяно приняли сторону национального государства. Социализм превращает рабочих едва ли не в боевую дружину национального государства.

4. Связь права с гражданством имеет очень конкретный характер. Любая личность, стремящаяся продвигать свое дело, должна обязательно получить идентификационный номер (удостоверение личности). Это, впрочем, само по себе уже означает получение гражданства данного государства — символически, выражение того, что личность стала членом государства.

5. Сознание власти и государства, актуальность которых поддерживается на протяжении всей истории, безусловно, вносит весомый вклад в форсирование традиционного типа гражданина.

6. Влияние гендерного признака обусловлено восприятием отца в семье как представителя государства, и каждый мужчина в доме становится «государством» по отношению к женщинам. Такое восприятие действует во всем обществе в целом. Национальное государство, пестуя такое восприятие мужчины, старается использовать его в своих интересах.

7. Армия — это одна из важнейших государственных структур буквально внедряющая в сознание и чувственный мир личности утверждение о том, что национальное государство является фундаментальной ценностью, и таким образом перевоспитывает личность. Каждая структура в рамках национального государства обладает аналогичными функциями, но ни одна из них не может достичь в этом отношении уровня армии.

8. Религия является именно тем средством, которое используется национальным государством в процессе своего становления, и превращается им непосредственно в религию национального государства. Подвергаясь превращению в общенациональную религию, облачению в формы национализма, в этот период религия, как общественный институт, фактически больше всех остальных противоречит собственной нравственной сути. Вовлекая все слои общества, оказавшихся за бортом секулярного национализма, в стихию религиозного национализма, объединяя их в статусе слуги нового воплощения старого бога, религия переживает своего рода предательство собственной внутренней сути.

Противостояние между религией и светскостью тесно связано с этим самым предательством.

9. Образование, с начальной школы до университета, — наиболее современная структура в плане превращения личности в гражданина. В этом смысле образование соревнуется с воинскими структурами. Первостепенной целью данных институтов является воспитание для современного капитализма наиболее ограниченного гражданина, чтобы, проведя все его общественно-исторические аспекты сначала сквозь фильтр религии, а затем национализма, приобщить к курсу официальной идеологии. Глупости, вытворяемые в этой сфере, оставили далеко позади себя схоластику древнего мира.

10. Средства массовой информации являются наиболее эффективным орудием современности, способным разрушить мозг и сердце человека. Эти механизмы значительно облегчают функции национального государства, пользующегося предоставленными коммуникативными технологиями возможностями по воспитанию гражданина в тех рамках, в которых оно этого желает. В частности, популяризуя и выхолощивая суть, а затем преподнося обществу формулу трех С, то есть «спорт, секс и синтез искусств», СМИ тем самым играют успешную роль в формировании наиболее отупевшего, недалекого, одурманенного гражданина. Эти средства и методы, воздействие которых мы могли бы раскрывать и дальше в виде основных заголовков, возвращают тип гражданина, не имеющий прецедентов ни на одном из этапов истории. Основной целью жизни такого гражданина становится стремление занять одну машину, семью (найти жену или мужа, родить одного-двух детей), а также иметь квартиру, то есть стать потребителем типичных стандартов. Смысл социума совершенно спокойно игнорируется из-за мистических (вульгарных, низменных) индивидуалистических страстей. Лишенное памяти, общество вообще оказалось оторвано от истории. То, что считается историей, — это набор национальных клише с националистическим уклоном, не обладающий философией или совсем не верящий в существование какой-либо философии счастья, кроме самой узкой меркантильности. На вид все кажется современным, но содержание свидетельствует о том, что имеем место самое пустое, выхолощенное «стадо граждан», личности «массового общества», подготовленные к самым темным акциям (фашизму), точнее, речь идет об **ОТСУТСТВИИ ЛИЧНОСТИ**.

Написано множество замечательных романов о роли, которую этот тип гражданина сыграл в движении на пути к фашизму. Существует, очень много знаменитых писателей, занимающихся этой темой. Эти романы, в частности, основанные на анализе геноцида, носят поучительный характер. Предельно просветительский характер имеет и критика «граждан», осуществляемая в последнее время под воздействием постмодернизма.

Первыми среди препятствий на пути современной демократии стоят национальные государства и общество, создающие такой тип гражданина. Следовательно, одной из важнейших функций демократизации является не только анализ национального государства и общества, порождающих такой тип отсутствия личности (потому что действительно считается, что личность как таковая отсутствует), но и воспитание демократических личностей (свободных граждан), стоящих на позициях равенства и свободы.

Б. Очень важно заметить онтологическую связь между национальным государством и фашизмом. Одной из фундаментальных ошибок, допускаемых в отношении фашизма, является неспособность видеть его связь с систематикой национального государства, неумение раскрыть эту связь даже тогда, когда она видна ясно — шила в мешке не утаить. Что касается нашего анализа, сделанного на схематическом уровне, то он выявил значительную связь фашизма с идеологией Просвещения (включая позитивистские светские идеологии). Подобно тому, как основной формой современной официальной власти является модель национального государства, его новой религией является национализм. Общества, прошедшие сквозь фильтр национализма в рамках национального государства, стали обществами, готовыми постоянно порождать фашизм. Трудно представить себе фашизм вне модели национального государства — точно так же, как, безусловно, невозможно представить себе национальное государство в отрыве от концентрированного выражения экономического монополизма (торговля + промышленность + финансы).

Нетрудно узреть корни гитлеровского фашизма в немецкой идеологии. Единственным выходом для немецкой буржуазии стала концентрация монополистских усилий на пути становления национального государства. На протяжении XIX столетия основным занятием и достижением немецкой буржуазии стало создание такого типа государства, как на идеологическом, так и на материальном уровне. Это деяние имеет долгую историю, и я не в состоянии ее изложить. Конечно же, нельзя умалить роль еврейского капитала и идеологов. Диалектическая связь между евреями и еврейством, с одной стороны, и немецким фашизмом в Германии, с другой стороны, подтверждена сотнями исследований, и эта связь также доказана нашими теоретическими разработками.

Немецкая модель в дальнейшем стала источником вдохновения для всех националистических движений и моделей национального государства. Самой значительно слабостью социалистов и всех антифашистов стало их неумение узреть системную связь между национальным государством, монополиями (государственными и частными монополиями) и фашизмом. Более того, их ошибки продолжились в неумении раскрыть онтологическую связь между современным капитализмом и фашизмом.

В. Вопрос о взаимоотношениях национальных государств Советского Союза относится к разряду тех проблем, которые не теряют своей значимости, и ждут решения и по сей день. Самой крупной из всех ошибок еще во времена Маркса и Энгельса была ошибка, касающаяся того, что основные рамки борьбы за интересы рабочего класса очерчивались границами национального государства с центром в Германии. Демократические конфедеративные образования, порожденные городскими и сельскими восстаниями, которые до середины XIX века были очень актуальны для Германии, они посчитали отсталыми и поддерживали централизованное национальное государство. Этот вопрос также привлекал внимание Маркса и Энгельса. В данном смысле критические замечания и взгляды Бакунина и Кропоткина сохраняют свою силу и по настоящее время. Эти заблуждения Маркса и Энгельса стали основной причиной неудачной деятельности I и II Интернационалов. Объективно существовал союз, установленный ими с немецкой промышленной буржуазией. Впрочем, вышеуказанное обстоятельство описано довольно ясно. Это является растворением в недрах национального государства. В принципе, полуторавековая история марксизма является историей жертвы этой ошибки.

Советский Союз и современный Китай являются самыми убедительными примерами этого. Демократическая структура Советов в России была искусственно заторможена еще в 30 —х гг. до начала 20-х гг. прошлого столетия. Остались только попытки построения в отдельной взятой стране социализма по модели многонационального государства. Для этого были ликвидированы все виды оппозиции, стоящее во главе демократических сил, а крестьянство полностью уничтожено. Той же участи подверглась интеллигенция; некоторым ее представителям, впрочем, по просту заткнули рты. Развивалось ничто иное, как социализм современных фараонов. Никому и в голову не приходило что-либо вроде современной демократии, — точнее, этому чинились препятствия. Такая демократия, опять же, в виде недоношенного младенца, окажется на повестке дня только с начала 90-х гг. прошлого столетия. Я не считаю правильным называть этот период сталинским фашизмом, сравнивая с гитлеровским. Эти два движения развивались по различным каналам. Но пример СССР стал историческим опытом, который в потрясающей форме подтвердил, что советский опыт не имел ничего общего с социализмом и что не может быть построен социализм, не берущий за основу демократическую цивилизацию.

Известно, что Мао интересовался демократией. Очень важна его критика Советской власти. Культурная революция, развернутая Мао в Китае, является свидетельством неверного пути. Но ни уровень сознания Мао, ни средства и методы, на которых он основывался, не позволяли ему преодолеть влияние марксистской ошибки пример СССР. Сегодняшний Китай раскрывает глаза на многое, связанное с этой темой.

Национально-освободительные движения, многие из которых развивались по линии социализма (СССР), изначально считали построение модели национального государства своей программой максимум. Если иметь в виду тот факт, что устоять они смогли только в сотрудничестве с такими крупнейшими монополистами, как США, ЕС, МВФ, Всемирный банк, не стоит удивляться их структурам, которые имеют антидемократический и постепенно приобретают все более консервативный характер.

Самый яркий пример этого — «зелёный социализм», построенный партией БААС во главе с Саддамом Хусейном. Для тех, кто хочет понять это бесценный пример.

«Государство благоденствия», о котором говорят социал-демократы, тоже ничем не отличается от модели национального государства. Немецкие социал-демократы, лидирующие во всем мире и в данном вопросе, своим мировоззрением экономизма извлекли определенную выгоду даже из того ущерба, который Гитлер нанес их национальному государству, и по сей день крепко стоят на своих позициях. Но это имело место только посредством выхолащивания мирового демократического движения и превращения в подсобный материал для собственной буржуазии!

Г. Одним из ужасающих последствий построения модели национального государства стали невиданный в истории упадок, ликвидация и ассимиляция, которым подвергается культурное наследие. Важной отличительной особенностью национального государства является игнорирование и последующие за этим разрушение, ликвидация и ассимиляция вместе с тысячелетними культурами всех этнических групп — помимо той, на базе которой создано само национальное государство, (кстати, лозунг «один язык, одна нация, одна

Родина, одно государство» был главным гитлеровским лозунгом). Эти движения, к которым в истории не прибегала ни одна угнетательская идеологическая сила, связаны со структурой национального государства. Основной чертой культурной политики национального государства является создание одноликой, или черной, или белой массы однотипных граждан и структур. Идеологи национального государства хотели даже применить идеи дарвинизма, то есть биологизма, в общественной жизни. Один из ужасных грехов позитивизма лежит именно в этой плоскости. Растворение самой сильной культурой в своих недрах всех остальных считается эволюционным законом. Естественно, при этом вовсе игнорируется или вообще уничтожается многомиллионная эволюция человека!

То, что современная культура сделала заметный поворот вправо, потеряла свою волшебную притягательность, оказалась в ситуации, полностью лишенной таинственности, перестала быть источником вдохновения, происходит вследствие деятельности национального государства, подобно бульдозеру, разрушающему культурные традиции. Жертвами этой политики единственной культуры и геноцида всех остальных стали тысячи языков, десятки тысяч племен, родов, народностей, археологическое наследие, различные формы жизни, то есть культуры. И неизвестно, где должен остановиться этот разрушительный процесс. Культура национального государства, личности в контексте нации и национального общества, состоящая из одного расового типа, не только порождает фашизм, но и делает жизнь пустыней, толкает общество на путь превращения в чудовище, ищущее только цели для своих агрессивных выпадов. Итогом становятся этнические, религиозные войны, подавление других языков и культур. Современная жизнь просто пестрит такого рода войнами. Гитлер стал началом и символическим выражением этого культа войны. Наш современный мир переживаем состояние этого символизма, ставшего реальностью. Опять же для тех, кто хочет научиться, скажу, что события в Ираке, некогда имевшем ценность, эквивалентную золоту, говорят сами за себя.

Национальное государство в настоящее время не является просто военно-политическим и социальным движением, направленным против государств и передовых культур, как это было во время Второй мировой войны. Это — массовая социальная война, объявленная общественно-исторической традиции и всем новациям, дающим надежду на будущее и отличающимся друг от друга. Присутствие в логике создания, экономике, социальных и политических целях национального государства таких понятий, как «один язык, одна нация, одна Родина, одно государство», не может увенчаться ничем иным, кроме как длительной войной на всех фронтах, причем порой скрытых, порой явных, порой кровавых, порой демагогических.

Д. Национальное государство стремится обозначить свой единственный тип и на политической арене. Оно не дает возможности проявить себя ни различным нациям, ни различным политическим образованиям. Оно не дает возможности никому, кроме централизованного государства, называемого иначе «унитарным государством», осуществлять вою политическую линию на основе собственных различий, являющихся одним из фундаментальных условий демократии. Это оно считает угрозой цельности государства. Даже признание за местными органами управления минимальных полномочий вызывает в этом смысле глубокие подозрения. Центральная бюрократия формирует его основную силу и фундамент. Национальное государство — это тип государства, созданный

современной бюрократией, держащей в железной клетке все общество. Основным условием национального государства в отношении партий и гражданского общества является движение, аналогичное курсу государственной политики. Следовательно, социально-политическое, культурное и экономическое развитие, которое является необходимостью плюрализма, являющаяся неизменным условием демократии, постоянно и пристально отслеживается как причина угрозы. Национальное государство не признает возможности выбора, и, тем самым, присутствия плюрализма в управлении. В силу своей структуры национальное государство противостоит плюрализму, следовательно, антидемократично. То, что в национальном государстве не находят развития такие понятия, как «демократия» и «социализм», более того, они подвергаются ликвидации, как уже было нами указано, объясняется тем, что они защищают национальное государство или же капитулируют перед ним. В случае принципиального согласия между национальным государством и демократией, представляющими собой различные единицы, можно говорить о нем как о структуре, открытой для демократических перемен.

Е. Национальное государство не останавливается на создании одинакового типа только на базе личности, оно прививает всем социальным единицам однотипные мышление и чувства. Тем самым оно и распространяет свою власть над всем обществом, и создает общество одного типа, национал-государственное общество. Оно преследует цель создания корпоративного общества (модель фашистского общества). Нельзя неправильно воспринимать формирование власти в обществе — это может породить антагонистское понимание. Разместив своих агентов в виде отдельных лиц или структур во всех наблюдательных позициях общества, национальное государство считает своим основным делом углубление и расширение собственной власти. Намеченная модель общества может быть реализована только таким методом. Иными словами, распространение власти во всем обществе становится равнозначным по смыслу объявленной всему обществу войне, но не формированием власти общества. М.Фуко придает этой мысли важное значение. Власть мужа над женой также играет роль некой агентурной структуры. Посредством применения политики гендерной активизации общества и секса происходит прививание обществу ростков заразной болезни, способствующей войне против этого же общества. В частности, женщина является объектом глубокого порабощения. Сформировался побежденный тип женщины, приравнивающий мужественность к свободе, причем ущербность этой женщины имеет очень глубокий характер.

Функции спорта и искусства в обществе тоже поставлены на службу интересам национального государства, и они превращены во влиятельные агентурные структуры в войне против социума. В частности, в этих целях широко применяются популярные культурные и спортивные программы. Умышленное превращение всемирным капиталом таких сфер жизнедеятельности, как секс, спорт и искусство, в эффективных общественных агентов путем последовательного выхолащивания их содержания, способствовало тому, что на последних этапах они стали очень влиятельными сферами борьбы против общества. Выдвигая это суждение, я, несомненно, далек от мысли повального осуждения гендерного фактора или сферы спорта и искусства. Напротив, я уверен, что одной из основных функций демократической цивилизации является использование этих сфер в интересах общества, на основе значительных этических ценностей, что способствовало бы благоденствию общества.

Спорт, являющийся средством воспитания здорового общества, в ракурсе интересов национальных государств снижен до уровня инструмента завоевания славы для страны. Спорт зажат в узкие рамки дилеммы «победа — поражение» едва ли не как на войне, и превращен в оружие борьбы в руках власти. В частности, такой вид спорта, как футбол, с этой целью превращен в монополию власти для национальных государств. Спорт одновременно вовлечен в рамки национального государства и превращен в поле результативной борьбы против общества.

Второй важной сферой социальных войн является сфера искусства, к которой устремляют свои взоры как государственные, так и частные монополии. В частности, поп-культура и культура арабски играют ошутимую роль в парализации общества в тисках развлекательной культуры. Чуть ли не армия звезд открывает массированный огонь по общественным ценностям. Классическое искусство совершенно забыто, народная культура в силу неправильной популяризации уже давно отошла от своих выполнявшихся на протяжении тысячелетий основных функций, и теперь, напротив, превращена в орудие уничтожения народа. Секс или половой фактор в невиданных для истории масштабах превращены в объект социальной войны. Ни одно средство не играет столь эффективной, как секс, роли в борьбе, развернутой против общества.

По данной теме, которую я надеюсь более подробно рассмотреть в разделе «Хаос и социология Свободы», сейчас лишь вкратце, в скобках, отмечу, что половой акт для мужчины превратился в акцию утверждения собственной власти. Половой акт уже не воспринимается как биологическое действие, направленное на продолжение жизни и рода. Он теперь настолько искажен, что превращен в фактор безграничного расширения и распространения власти уже в социальной сфере. Половой акт стал действием по укреплению власти. Во всех гомо-, гетеро- и прочих формах сексуальных отношений связь с властью играет определяющую роль. Несмотря на распространенный исторический фундамент, половой фактор ни в одной общественной или государственной формации не достиг столь систематического, распространенного и направленного на достижение власти (следовательно, порабощения) развития, как в рамках национального государства и его общества. Половой фактор в обществе находится в прямой связи с социально-политической властью.

Политикой, осуществляемой в отношении полового фактора как в семье, так и за ее рамками, национальное государство способствует ненормальному стремлению к власти. Женщина уже считает себя сексуальным товаром, а мужчина мнит себя средством половой власти, и вместе они толкают и самих себя и общество не просто в объятия нравственного кризиса, а постепенно становятся жертвами борьбы за власть.

Во всех этих трех сферах СМИ играют роль наиболее эффективного орудия войны. Ни одно орудие не играло столь раз рушительной роли в борьбе против общества под контролем монополий, как это делают СМИ. Но если средства массовом информации будут использованы в рамках демократической цивилизации, несомненно, они в состоянии стать наиболее важным средством демократизации общества.

Политика национального государства, связанная с тюрьмами, больницами, также тщательно сформирована и играет значительную роль в усилении собственной власти и удержании общества в состоянии вечного заточения. Те, кто оказались и в тюрьмах или в больницах, оказались лицом к лицу с утерей многих материальных и моральных ценностей, которые у них отнимает власть.

Даже навязывая свою власть обществу, внедряя ее в капилляры социального организма, национальное государство вынуждено признать, что, в сущности, уже приближается к своему финалу. Власть, дошедшая до этой стадии, неминуемо будет низложена. Для этого нужно умело распространить во всех сферах общества понимание демократизации, организации и практической деятельности, которые диктует демократическая цивилизация, и умело развивать эти процессы.

Ж. Национальное государство в основном базируется на среднем классе, занимая промежуточное положение в плане классового расслоения. Какой-либо иной путь теоретически мог быть возможен, но практически это не представляется реальным. Национальное государство стало современным богом среднего класса, в своем сознании и пристрастиях живущего с мечтой о том, как дойти до своего бога (служить ему и блюдя его интересы). Подобно тому, как общество преклонялось перед богами древнего мира, не зная их сущности, так и современный средний класс, по сути, не знает своего бога (в смысле современного капитализма). Но он знает, что у него нет другого выбора. Для среднего класса смысл спасения сводится к получению должности в бюрократическом аппарате государства или в его монополиях (необходимость профессиональной формации). Средний класс рассматривает себя как стержень общества. Это очень эгоистичный класс. Либералы считают средний класс одним из основных условий демократии. На самом же деле все наоборот. Средние классы — это база, где отбирают себе материал не демократия, а фашизм. Связь между фашизмом и национальным государством носит структурный характер, и точно такая же связь существует между фашизмом и средним классом. То, что фашизм структурно связан с капиталистическими монополиями, отнюдь не влияет на данное суждение в отношении среднего класса. Исключения лишь подтверждают основную тенденцию.

Либеральные демократы, играя в основном со средним классом, преследуют цель выхолащивания демократии, обеспечивая превосходство истинным демократическим общественным силам в большой игре за демократию. Либеральная буржуазия, либеральные демократы могут проявить положительные качества лишь в качестве левого крыла в обстановке сильных демократических процессов. Необходимо обратить серьезное внимание на ересь среднего класса. Капитализм обладает серьезным опытом в использовании среднего класса в качестве противовеса борьбы общества за демократизацию. Он осуществляет свою внутреннюю политику с помощью обещаний, даваемых среднему классу, пробуждая в нем мечты и постоянно запугивая обострением отношений с низшими слоями общества. Национальное государство в этом смысле является сконцентрированной формой уничтожения среднего класса. Опять же, в этом смысле национальное государство является богом войны для среднего класса. Он так понимает, так мечтает и так поклоняется. У демократических сил нет иного выбора, кроме построения собственного самобытного мышления и практической линии, чтобы противостоять этому божку и развернутой им

массовой войны. Единственным путем борьбы с ним является превращение борьбы за свободу в священный долг и единственный выбор!

3. Вынося оценку модели национального государства, было очень полезно сравнить ее с некоторыми формами государственности и признать существование здесь различных моделей. Очень важно не отождествлять понятие «национальное государство» и его структуру с республикой. Не каждая республика является национальным государством. Даже монархии могут существовать по данному типу. Некоторые республиканские режимы могут превратиться в национальные государства, но республика все же более открыта для демократии. Отношения республиканского строя с обществом строятся не по типу национального государства. Республика соблюдает гораздо большую дистанцию в отношении монополий. Если республика — это режим союза, согласия, то национальное государство — это режим, навязывающий свою власть обществу и формирующий его в рамках своих интересов. Если республика обращает больше внимания на свои союзы и общественный баланс, то национальное государство, разрушая любого рода договоренности, возводит до невиданных высот единоличность и централизованную власть. Оно стремится растворить в своих горнилах различные политические, общественные, экономические и культурные ценности и мировоззрение. Республика может делить свою власть с различными структурами. Если под крышей республики могут размещаться носители различных взглядов, культур, этносов, политических образований, местные, региональные органы управления, то национальное государство в силу мировоззрения и структуры противостоит такому разнообразию и объединениям.

При моделировании национального государства часто говорят о трех примерах.

Франция стала первой моделью национального государства, являясь местом рождения данной модели. Ее создателем и богом был Наполеон. В основу национального государства французы поставили политическую идентичность. Усилив политическую и правовую сферу, французы, тем не менее, смогли удержаться от сползания в сторону фашизма германского типа, проявив большую приверженность своим традиционным позициям. Будучи господствующей нацией в своем государстве, французы не проявляют нетерпимости к другим. Всякий, кто принимает французский язык и французскую культуру, может найти свое место в рамках французского национального государства. В мире есть немало последователей французской модели. Именно французская модель вдохновила турок на создание собственной модели.

Немецкая модель берет за основу культуру. Культура свойственная немецкой нации, является условием и гражданства, и национального государства. Проявленная немцами склонность к фашизму связана с развитием немецкого национального государства именно на этой почве. Она оказала влияние на весь мир. Влияние этой модели испытали и турки. Однако немцы уже выходят за рамки своей модели.

Английская модель национального государства наиболее гибкая. Англичане, в отличие от французов, не ставят во главу угла политическое или, в отличие от немцев, культурное единство. Они сформировали образец национального государства, более лояльный к различным политическим образованиям и культурам.

И. С точки зрения осознания изменений и развития национального государства важно анализировать его в связи с периодизацией. Постоянно повторяя, что национальное государство является основной формой государственности в эпоху капитализма, нельзя полностью осознать его роль, не рассматривая сквозь призму исторического развития.

Поиски Голландии и Англии более эффективных форм государственное в борьбе против испанской и французской монархий, привели к образованию типа национального государства. Постепенно все больше и больше стало подтверждаться преимущество, которым обладала новая модель в сравнении со старой военно-политической структурой, причем как с финансовом так и политической точек зрения, в частности, с точки зрения реорганизации армии. Голландцы и англичане в первую очередь обеспечили себе морское преимущество. К концу XVI столетия господство, следовательно, и гегемония на море, полностью перешло к Голландии и Англии. В начале XVIII века, в период династических войн во Франции и Испании, голландцы и англичане утвердили свое господство и на суше. Но монархические династии Франции и Австрии не хотели отказываться от своих имперских амбиций, что обернулось для них очень серьезными последствиями. Они фактически оказались на грани потери возможности создания собственных национальных государств. В частности, государственное строительство обошлось им очень дорого с финансовой точки зрения.

Голландия и Англия, столкнувшись с деятельностью империи оказали политическую поддержку созданию национальных государств. Так, результатом очень эффективной политической линии стала поддержка и усиление Пруссии, мощного национального государства, представляющего собой противовес действиям Австрии и Франции.

Другим фактом эффективной политики стало то, что постоянно поддерживая все оппозиционные силы Европы, в том числе тех, кто находился в поисках модели национального государства, англичане и голландцы попросту разорвали тем самым, своих противников, потому что последним было очень тяжело противостоять нашествию национального государств. Вестфальское соглашение стало результатом этих процессов. Оказавшись в конфронтации с императорской Европой, европейские национальные государства постепенно укрепляли свои позиции и обеспечивали себе преимущество. Цель, преследуемая англичанами в период Французской революции, сводилась к низвержению короля, не идущего на соглашение с Англией, и активизации деятельности оппозиции. Они поддерживали всех, у кого были противоречия с королем. Французская революция, в сущности, в каком-то смысле (не полностью) стала результатом заговора англичан, но позднее монархия испортила отношения с Республикой и Наполеоном в отношении перехода к форме национального государства. Англии едва удалось спастись от Наполеона. Прусская политика также стояла перед аналогичным результатом.

Аналогию с Наполеоном мы видим на примере создания Турецкой Республики. Известно, что Англия поддерживала проанглийски настроенную оппозицию в противовес прогермански настроенным «иттихадистам», но, когда на исторической арене вдруг появился Мустафа Кемаль-паша, фактически повторилась ситуация, связанная с Наполеоном. Проиграли сторонники, как Англии, так и Германии. У Англии есть богатый политический опыт такого рода, который стоит внимательно исследовать. Тем более не стоит забывать осуществление

ими политики совместно с масонами.

Победа модели национального государства в масштабе всей Европы обрела неоспоримый характер национальной консолидацией Италии в 1861 году и Германии в 1871 году и созданием этих двух национальных государств. На этот раз борьба за гегемонию проходила уже между Англией и Германией. Период в сорок пять лет от 1870 г. до 1914 г. протекал в поисках союза обеих сторон. Первая мировая война нанесла серьезный удар по гегемонистским амбициям Германии, Вторая мировая война стала своего рода войной-местью со стороны Германии. Итогом оказался горький распад немецкого национального государства.

Россия, октябрьской революцией 1917 года хотела заполнить вакуум гегемонии, образовавшийся после Германии. Именно поэтому Советская Россия быстро превратилась в модель национального государства. Но союз политически опытной Англии с США точно так же, как с Францией и Германией, свел на нет все гегемонистские устремления России. Официальный распад советской системы в 1991 году по смыслу соответствовал отказу от гегемонистских идей. Английская гегемония длиною в три столетия была сдана ею в 1945 году в обмен на право, остаться маленьким союзником США. Политика СССР, направленная на поддержку национально-освободительных движений против США, стала результатом «холодной войны», длившейся с 1949 по 1989 гг.. «Холодная война» между США и СССР была золотой эпохой национальных государств. Напряженность во взаимоотношениях двух держав подготовила рождение национальных государств, подобно снежному кому. Процесс формирования национальных государств, завершившийся в Европе до 1914 года, в мировом масштабе завершился в основном к 70-м годам прошлого столетия. Вторая мировая война для европейских национальных государств, стала первым важнейшим кризисом. ЕС возник как результат этого кризиса.

Вопрос, который требует освещения, заключается в том, почему современный капитализм развил модель национальную государства. Все наши пояснения не только раскрывают эти причины, но, вместе с тем, в качестве краткого дополнения, свидетельствуют о том, что эта модель не давала шанса для легкой развития имперских тенденций и процессов. Если бы победила империя, то шансы капиталистических монополий остались бы такими, какими они были в Средние века. Именно поэтому, собрав все силы, национальные государства смогли противостоять четырем крупным империям вплоть до полного распада: в 1500-1600 гг. это была Испанская монархия, в 1600—1870 и Французская империя, в 1870-1945 гг. Германия, в 1945-1990 гг. — Советская империя (следует добавить к ним еще Османскую империю и Австро-Венгрию).

Как бы ни старались привязать к модели национального государства эпитет «национальная буржуазия», в действительности происходит то, что это государство в основном является ареной деятельности капиталистических монополий, стремящихся к созданию транснациональных миров-систем. Даже пример Турции, считающейся самым ревностным приверженцем национальных устоев, сформировался только благодаря согласию Англии и союзу с США. Без международной капиталистической системы нельзя представить себе ни рождение, ни развитие национального государства. Сюда же входят советская и китайская модели национального государств. Во главе факторов создания и утверждения этих

моделей идет наилучший политический ответ аргументам прибыли, выдвигаемым капиталом. Но, утерев эти особенности, они стали постепенно преобразовываться и постарались продолжить свое существование сначала под гегемонией Англии, затем уже США. Без мировой системы (современный капитализм и гегемония) ни одна модель национального государства не может просуществовать сколько-нибудь долгое время, потому что это противоречило бы логике системы. Противоречивое тяжело уживается или исчезают совсем. Чтобы выстоять, Советский Союз и Китай испытывали серьезную потребность в соглашении с США, и это является еще одним убедительным примером.

В данном случае можно лучше осознать трагический финал Саддама Хусейна. Он не признал и не хотел признавать систему. У него был единственный шанс сохранить свое положение, повернув курс Ирака на создание масштабной демократической системы. В силу своей безоговорочной веры в бога, коим было национальное государство, он не воспользовался этим шансом. Стоя под виселицей, он сжимал в руках Коран, написанный со слов старого Бога, и стало очевидно, что Саддам не нашел спасения у нового бога системы; у него попросту не оказалось сил спастись. Но бог системы, этот новый Левиафан, чувствует себя крайне скверно в иракских болотах. На всем протяжении Ближнего Среднего Востока ему приходится очень тяжело.

Европа ищет для себя нового бога. Вероятно, она создаст нового, миролюбивого бога, уважающего закон. ЕС старается развивать свою деятельность как реакцию на агрессивное прошлое, в первую очередь, на Вторую мировую войну, ставшую самой последней и страшной из всех войн на протяжении четырех столетий формирования нации и национальных государств. Выявившиеся разрушительные особенности национального государства ЕС старается нейтрализовать, используя развитие мысли, веры и структуризации в экономической, социальной, политической и исторической сферах, применяя эволюционные методы на базе нового института европейского гражданства. Здесь проявляется своего рода самокритичный подход. Этот процесс требует внимательного наблюдения, и нельзя предугадать его результаты. Что касается США, то, ликвидировав Саддама, этого иракского Луи XVI (король, казненный на гильотине в период Французской революции) эпохи национально-государственной цивилизации, американская администрация радикально подчеркнула свое отношение к модели национального государства, не вписывающейся в ее планы. Скорее всего, они могут испробовать перестройку национального государства на федеративной основе (структура США).

То, что США оказались между ролью гегемона и имперской силой, является свидетельством очень трудного процесса. Очень тяжело управлять моделями национальных государств с помощью слабой гегемонии. В качестве примера достаточно привести отношения с Турцией. Может иметь место изоляция в состоянии империй. Еще свежо в памяти падение Рима. Но считается, что вряд ли можно найти иную, кроме США, силу, которая осмелится взять на себя имперскую роль. Все свидетельствует о тупиковом состоянии. Классическая модель национального государства при помощи гегемонии смогла с трудом просуществовать только до начала XXI века. ЕС стал первым шагом на стадии формирования. Будущее его неясно. Система ООН демонстрирует этот тупик чуть ли не в зеркале национального государства, — это не тот орган, который решает проблемы, он, скорее, усугубляет их. Трудно представить себе, что прочие региональные объединения окажутся способны

устранить препятствия в лице национального государства; у них, похоже, нет никаких конструктивных возможностей. Национальное государство как изнутри, так и извне уже давно перестало быть моделью решения общественных проблем. Может быть, на заре своего возникновения они и были удобными моделями для накопления капитала и борьбы против внешней агрессии, но сейчас, в силу актуализации исторических общественных, культурных, этнических, экологических, феминистических и политических проблем, изнутри задавленных этой моделью, а также по причине противоречий на международном уровне они превратились в модели-препятствия, о чем свидетельствуют сотни примеров.

Израильско-палестинская проблема в этом смысле изобилует поучительными уроками. Обе стороны конфликта очень жестко придерживаются модели национального государства. Так, для решения проблемы Иерусалима они должны или разбить на части город, или воевать до полного уничтожения друг друга. Трудно найти какой-либо иной пример, столь ярко раскрывающий суть тупика, в котором оказалась система, не имея возможности выйти из него. Есть еще проблемы в Ираке, Афганистане и Ливане. На очереди, вероятно, Иран и другие страны. Поскольку для модели национального государства не характерны ни справедливость, ни гуманизм, ни политические, ни демократические особенности, она не имеет шансов на выживание, и с каждым днем этот факт раскрывается все больше и больше.

Достигнув своего апогея в 70-е годы прошлого столетия, модель национального государства, в частности, с распадом СССР, вступила в полосу глубокого кризиса. Кризис, отсутствие решений проблем системы и постепенное превращение в препятствие привели к тому, что эта модель стала терять былое доверие в глазах капиталистической монополии. Нет особых надежд на то, что в рамках модели ЕС кризис будет преодолен эволюционным путем: современный капитализм связан с глобальным мировым кризисом. Ближний и Средний Восток стал ареной превращения критического состояния в хаос. То, что происходит сейчас, отвечает параметрам третьей мировой войны. Второй ЕС или БСП (Большой Ближневосточный проект) в условиях региональных реалий не в состоянии дать ответы на злободневные вопросы, и можно ожидать длительного продолжения хаотического состояния. Система может попытаться заново отстроить модель национального государства, но на этот раз под ложным «демократическим» прикрытием. Наиболее верным путем является развитие демократической цивилизации как ответа приверженцев идей равенства, свободы и демократии.

В разделе своей Защитной речи, который я планирую написать под заголовком «Демократическая культура на Ближнем и Среднем Востоке и решение вопроса демократической культуры в Курдистане», я постараюсь подробно остановиться на проекте демократической конфедерации.

К. Игнорирование эпистемологической стороны национального государства, являющейся его фундаментальной парадигмой, стало серьезным исследовательским недостатком. Характеристики, даваемые национальному государству по настоящее время свидетельствуют о том, что эта модель, в отличие от любого другого типа государства, зиждется на совершенно иной парадигме. Исследования Томаса Куна, связанные с эпистемологией, выявляют значение парадигмы. В связи с парадигмой в данном случае я

хотел бы подчеркнуть поразительные искажающие возможности национального государства. Научная точка зрения любого человека, выросшего в общественной среде, характерной для этого государства, в 90 процентах (по грубым подсчетам) случаев противоречит истине. Основная причина заключается в национально-государственной парадигме, реализуемой на всех уровнях общества, начиная от способа формирования института гражданства, а также в том, что национальное государство формирует свое собственное историческое и общественное сознание, выдвигая его на господствующие позиции. В частности, создаваемая им история нации и государства (оно создает их в тесном переплетении) обходит молчанием не только общие принципы исторического процесса, и, но в большей степени игнорирует или искажает историю других наций, государств и обществ, превращая их в подсобный материал для собственной истории.

Гражданин, не прошедший через эту парадигму, вероятно, и не лишен возможности стать ученым, создавать науку, но его знания извращены, он не в состоянии осознанно комментировать происходящее. Во-первых, он фанатик, смотрит на все в ракурсе интересов национального государства. Ни одно явление не имеет для него смысла до тех пор, пока не будет проведено через его националистические шаблоны. У него нет возможности осознавать социальные науки. Шовинистическая национальная перспектива сужает его возможности познания науки он способен воспринять что-либо только в том случае, если это соответствует критериям его признания. Ни один факт, событие или явление, которого он не приемлет, не могут нарушить ритм вызубренных им шаблонов. Разрушительная сила национализма, превращенного в религию, выступает перед нами во всей своей конкретике именно в данном аспекте. Он не видит никакого смысла в чем-либо, не поставленном на службу национализму. У него нет интереса ни к чему. Духовный мир и мышление такого человека зашорены сильнейшим образом. Именно поэтому все социальные реалии, выходящие за рамки явлений, связанных с моделью национального государства, ему противны, поскольку в сфере социальной действительности все должно видаться сквозь призму национального государства, даже если это и изрядно сужает панораму. Такие «очки» не способствуют объективному философскому мышлению. Они крайне неудобны и для понимания науки. Ожесточение разума — вот препятствие, не дающее возможности понять и осознать.

Гражданин такого типа не представляет себе никакого иного общества, кроме национально-государственного, частью которого он является. Ожесточение в этом направлении или совсем искажает объективное наблюдение, или скатывается до совершенно безразличной позиции. Он смотрит на людей, стоящих перед ним, сквозь призму парадигмы нетерпимости, которая гораздо жестче нетерпимости религиозных фанатиков, и видит в них или врагов, или вообще никого перед собой не видит. Именно по этой причине мир, построенный на модели национального государства, постоянно порождает войны. Пример Гитлера и в этом вопросе может быть очень характерным. Европа или даже весь мир или должны быть такими, какими представляются ему, или они вовсе не должны существовать, исчезнув с лица земли. Многочисленные примеры свидетельствуют о том, как такая парадигма превратилась в фактор насилия.

Очевидно, что религиозные войны связаны с различными парадигмами. Это связано с парадигмой роста числа войн, имеющих националистические корни, и основной точкой

зрения, которую национальное государство сделало господствующей. Неумение правильно воспринять знание, естественно, приводит к ошибочной информации, что, в свою очередь, способствует принятию неверных решений и соответствующему практическому применению.

Не стоит ожидать от ученого, строго придерживающегося национально-государственных позиций (парадигмы), осмысленных комментариев во всех научных сферах, в первую очередь сфере социальных наук (не будем забывать того, что и другие науки имеют социальные корни).

Данное мышление, старающееся осмыслить все через собственное «я», непрерывно повторяя такие термины, как «мои границы», «мое общество», «моя страна», одним словом, видит во всем только «я» и «мое», расписывается в собственном неистребимом эгоизме, преувеличивая собственные возможности и возвеличивая самого себя. В подобном случае от такого человека трудно ожидать нормальных взвешенных решений, взаимоотношений и практической силы. Это и очевидно. Не может быть человека, отождествляющего себя с государством и обществом, его историей и зарождением, интересами и привязанностями, никаких шансов на разумные действия во имя мира и солидарности ни в национальном, ни в международном масштабах.

Не выйдя за рамки национально-государственного взгляда этой парадигмы, которую мы постарались охарактеризовать и наиболее общих чертах, нельзя создавать науку, следовательно, принимать правильные решения и строить верные взаимоотношения. Все данные свидетельствуют о том, что демократическая обстановка является наиболее приемлемой для научной революции. Окинув взглядом научные представления периода 6000-4000 гг. до н. э. (Плодородный Полумесяц), ионического и афинского периодов истории человечества в 600-400 гг. до н. э. или эпох Ренессанса, Реформации и Просвещения и Европе, увидим, что науки быстрее всего развивались именно в той обстановке, где общество было неразрывно связано с идеей свободы. Несмотря на огромные успехи Европы, она и по сей день находится под ударом мировой критики, и происходит это из-за присутствия узких эгоистических интересов национального государства. Система национальных государств, на которой базируется современная эпоха, не позволяет найти решения существующих проблем. Это же становилось причиной всех беспрецедентно крупных войн за последние четыре столетия.

Взгляд сквозь призму демократической цивилизации является величайшим шансом для создания науки. В частности, потребность в новой науке, возникающая в периоды кризисов и хаоса, может быть удовлетворена только при условии господства парадигмы демократического общества.

Поскольку без решения эпистемологических проблем практические решения попросту невозможны, идея низложения парадигмы национального государства и достижения парадигмы современной демократии приведет к достижению силы необходимой для решения.